

УДК 316.33:327; 316.722; 001.18; 008.2

**Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А., Манойло А.В., Багдасарян В.Э.,
Радиков И.В., Федорченко С.Н., Абрамов А.В.**

ПОСТЧЕЛОВЕК И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВО: БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИЛИ ЕЁ КОНЕЦ? (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Аннотация. В ходе «круглого стола», организованного электронным журналом «Вестник Московского государственного областного университета», обсуждались сущность постчеловечества и постчеловека; оценивались риски и угрозы, которые они несут. Особое внимание было уделено проблеме трансгуманизма, изменению характера войн и демократии в условиях постмодерна.

В обсуждении приняли участие известные философы и политологи: С.С. Хоружий (Институт философии РАН) и Л.Г. Фишман (Институт философии и права Уральского отделения РАН), Н.А. Комлева (Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина), А.В. Манойло (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), В.Э. Багдасарян (Московский государственный областной университет), И.В. Радиков (Санкт-Петербургский государственный университет), С.Н. Федорченко (Московский государственный областной университет) и А.В. Абрамов (Московский государственный областной университет).

Ключевые слова: постчеловек, постчеловечество, трансгуманизм, постмодерн, футурология, будущее.

***S. Horuzhy, L. Fishman, N. Komleva, A. Manoilo, V. Bagdasaryan, I. Radikov,
S. Fedorchenko, A. Abramov***

A POSTHUMAN AND POSTHUMANITY: FUTURE OF CIVILIZATION OR ITS END? (ROUND TABLE)

Abstract. During the “round table” organized by the electronic magazine “Bulletin of Moscow State Regional University” the essence of posthumanity and a posthuman was discussed. The risks and threats that they carry were also evaluated. Particular attention was paid to the problem of transhumanism, the changing nature of war and democracy in the conditions of postmodernism.

Well-known political scientists and philosophers took part in the discussion, among them: S. Horuzhy (RAS Institute of Philosophy), L. Fishman (RAS Ural Branch Institute of Philosophy and Law), N. Komleva (Ural Federal University named after Boris Yeltsin), A. Manoilo (Lomonosov Moscow State University), V. Bagdasaryan (MSRU), I. Radikov (St. Petersburg State University), S. Fedorchenko (MSRU) and A. Abramov (MSRU).

Keywords: posthuman, posthumanity, transhumanism, postmodern, futurology, the future.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А.В.

*кандидат политических наук,
главный редактор электронного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»,
Московский государственный областной университет (105005, г.
Москва, ул. Радио, 10А)*

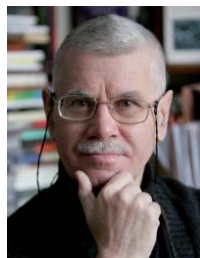
«Мир изменился...» – этой фразой, начинающей знаменитый блокбастер «Властелин колец», можно открыть и наш «круглый» стол. За последнее 30–40 лет человечество сделало колоссальный шаг вперёд в развитии науки и производства: от лабораторных опытов с мухами-дрозофилами до клонирования живых существ и создания генномодифицированных продуктов; от многоэтажного лампового компьютера до сходного по функционалу устройства, помещающегося на ладони; от парового и электрического двигателя к атомному реактору и водородной бомбе.

Перемены во «второй природе» кардинальным образом изменили и облик современного социума, и бытие современного человека. Это дало право философам, политологам и футурологам говорить о наступлении новой реальности: о пришествии постчеловечества и постчеловека. Что это? Кто это? Что ожидать от этого процесса? Каковы возможные риски и угрозы? Ответы на эти вопросы являются целью нашего «круглого стола».

ПОСТЧЕЛОВЕК, ВИРТУАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ИХ СОЦИУМ

Хоружий С.С.

*доктор физико-математических наук
Институт философии Российской академии наук
(109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1.)*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОСТЧЕЛОВЕКА

Сегодня проблема Постчеловека уже перестала быть сверхпопулярной и новомодной. Она ушла из списка злободневных тем, возбуждающих любопытство массового читателя, – однако сам Постчеловек никуда не ушёл.

В 2008 г. я писал, что Постчеловек – это «тот, кто на подходе», кто приближается к нам [82], и сегодня можно сказать, что с тех пор его шаги заметнее. Поэтому острее и актуальнее стал вопрос о нашем самоопределении по отношению к этому персонажу. Как следует реагировать на его приближение? Какой-либо основательной рецепции феномена Постчеловека, каких-либо общепринятых стратегий по отношению к нему до сих пор ещё не сложилось. Но за последние годы более ясно обозначился спектр тех проблем, которые рождает для нас приближение Постчеловека. Попробуем рассмотреть их под несколько новым углом зрения: последовательно разделим проблематику, принадлежащую двум разным уровням реальности, антропологическому и социальному.

По определению, Постчеловек – явление антропологическое, формация, прямо соотносимая с Человеком. Но при ближайшем рассмотрении мы в нём видим многие стороны, измерения, которые относятся к сфере Социального. Таково его происхождение: те причины и факторы, что привели к появлению Постчеловека и как идеи, и как комплекса технологических программ, кроются отнюдь не в устройстве Человека, не в антропологии как таковой. Идеи, что это устройство можно и нужно изменить, улучшить, были давно, составляя старинное направление «трансформативной антропологии». Мой обзор этого направления в его развитии приведён в цитируемой выше статье, но надо заметить, что до весьма недавнего времени все его содержания связывались не с идеей Постчеловека (которая попросту отсутствовала), а, скорее, с идеями совершенствования и Совершенного Человека. Долгое время в европейской культуре довольно независимо существовали и развивались идеи или утопии Совершенного Человека и Совершенного Общества, из коих первая принадлежала антропологии, вторая же социальной философии, хотя, безусловно, в обоих случаях эта принадлежность не была безраздельной: первая идея имела важные выходы в социальную проблематику, вторая, в свою очередь, в антропологическую. Как я отмечал, «Идея Совершенного человека<...> отражалась глубоко и на сознании отдельного человека, и на характере социальных структур, и на их деятельности» [80, с. 41]. Здесь, таким образом, налицо сочетание антропологических и социальных аспектов или, как мы будем говорить, принадлежность «интерфейсу Антропологического и Социального». Идея же Постчеловека – в явной исторической преемственности с идеей Совершенного Человека: обе они рисуют некий гипотетический образ человеческого существа, отличный от наличного эмпирического человека, но мыслимый в качестве будущего результата его развития. Иными словами, обе идеи – не просто антропологические идеи, но идеи, что должны служить движущим мотивом и регулятивным принципом антропологической динамики, процесса (само)изменения человека.

Они, однако, очень различны в своём отношении к наличному человеку. Идея Совершенного Человека, теснейше связанная с традицией европейского гуманизма, предполагала, что природа человека несёт в себе все возможности и ресурсы, необходимые для достижения некоторого антропологического идеала, «совершенства»; задача человека и общества лишь в том, чтобы эти возможности развернуть, актуализовать в полной мере. Напротив, Постчеловек столь же тесно связан с новейшей идеей трансгуманизма, которая в своём прямом, узком смысле означает превращение человека в компьютерный софт, а в смысле более общем означает необходимость замены человека радикально иным существом, для которого даже и название «Постчеловек» будет, пожалуй, неадекватным, ибо слишком напоминающим об изжитом и отвергнутом Человеке. И переход от Совершенного Человека к Постчеловеку в качестве предполагаемого итога истории Человека – многозначительная смена вех! Положительная и оптимистическая оценка природы и возможностей Человека сменяется отрицательной: Постчеловек – уже не Человек, и стало быть, Человеку предстоит не раскрытие себя в полноте, а уход со сцены. Ergo, продвижение проекта Постчеловека – одно из проявлений тренда Ухода, доминирующего антропологического тренда наших дней, который мы ещё обсудим ниже.

Но вернёмся к социальным сторонам проблемы Постчеловека. Нося характер регулятивного принципа, Постчеловек, как и Совершенный Человек, определяет собою некоторую антропологическую практику или, скорее, комплекс практик, с которым связано сообщество адептов, тех, кто культивирует эти практики. Это сообщество принадлежит, разумеется, социальной реальности и потому Постчеловек, как и Совершенный Человек, есть феномен из интерфейса Антропологического и Социального. Это – антропосоциальный проект, и его социальные измерения многочисленны и разнообразны. Прежде всего, очень крепка его связь со сферой новейших технологий. *Постчеловек – это качественно новый этап трансформативной антропологии*: в отличие от всех её прежних проектов и утопий, он не столько использует существующие технологии, сколько требует их развития, он сам представляет собой «передний край технического прогресса». Далее, технический прогресс чреват рисками: радикальные трансформации человека, требуемые проектом Постчеловека, легко могут вызывать непредвиденные эффекты, нести опасности и угрозы. Поэтому практики продвижения к Постчеловеку требуют мер контроля в глобальном масштабе, и проведение этих мер сегодня уже стоит в ряду острых глобальных проблем современного общества (так, в книге «Наше постчеловеческое будущее» Ф. Фукуямы одна из глав имеет название «Политический контроль над биотехнологией»).

В целом же следует полагать, что Постчеловеку соответствует и некоторая новая социальная формация, «постчеловеческое общество», принципиально отличное от человеческого. Дабы отчётливо увидеть его и охарактеризовать, необходимо конкретизировать описание Постчеловека, а также вывести его в более широкий контекст, очертив отношения Постчеловека с другими составляющими современной антропологической ситуации. Важнейшая из этих составляющих – формация Виртуального Человека, которая в наше время становится доминирующей антропоформацией.

ПОСТЧЕЛОВЕК И ВИРТУАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК: К ВЫЯСНЕНИЮ ОТНОШЕНИЙ

Философия работает с концептами, и для ответа на поставленные вопросы о Постчеловеке и «постчеловеческом обществе» необходимо вывести их обсуждение в полноценный концептуальный дискурс. Но вот характерное обстоятельство: дискуссии о Постчеловеке ведутся уже давно, литература о нём обширна, однако в ней едва ли можно найти отчётливые определения главного обсуждаемого предмета. Без такого определения ухитряются обойтись даже целые монографии по проблеме Постчеловека, как, например, «Наше постчеловеческое будущее» Ф. Фукуямы и «Постчеловеческая персонология» Г.Л. Тульчинского (677 с.!). По сей день представление о Постчеловеке смутно и расплывчато – настала пора сделать его более ясным.

Чтобы сформировать понятие Постчеловека, можно продвигаться по двум путям: во-первых, проводить анализ современных антропопрактик, как тех, что уже принято считать ведущими к созданию Постчеловека, так, возможно, и других, в которых трансформируются сами определяющие черты человека, его фундаментальные предикаты; во-вторых, проводить не эмпирический, а философский анализ проблемы, пытаясь очертить концептуальные контуры некоего актора, который был бы отличен от человека, но при этом в полной (или даже возросшей) мере оставался носителем разума (иначе то был бы не Постчеловек, а Недочеловек). Следуя по первому пути, мы развивали определение Постчеловека в статье [83]. Здесь были описаны «три версии Постчеловека – Киборг, Мутант, Клон». Реализующие их практики принадлежат сфере компьютерных технологий (в случае Киборга) и биотехнологий (в случае Мутанта и Клона). Мы будем строить их концептуализацию на базе нашего направления, синергийной антропологии [80]. Здесь концептуализация принимает форму «синергийной герменевтики», т.е. установления связей изучаемых явлений антропологической реальности с системой базовых антропологических формаций – парадигм конституции человека, отвечающих способам его размыкания в предельном опыте.

В статье мы бегло наметили эту герменевтику для трёх версий Постчеловека и теперь продолжим её, установив связи этих версий с определёнными антропологическими формациями. Все версии создаются в практиках точно того же рода как практики научно-технического освоения мира, в которых, согласно синергийной антропологии, конституируется формация «Безграничного Человека». Данная формация, близкая к Homo technicus, может рассматриваться как своеобразный антропологический аспект господствующего учения Нового Времени – доктрины бесконечного прогресса. Она описывает человека, который определяет себя отношением к Универсуму и формируется в процессе его когнитивно-орудийного освоения; при этом Универсум предполагается бесконечным, а сам человек в познании и освоении его мыслится как существо, достигающее всё большего и большего совершенства. Для продвижения же к Постчеловеку человек тоже развивает научно-технические практики, но весьма специальные: в них он создаёт существо на смену себе самому и, тем самым, мыслит себя отнюдь не в бесконечном самораскрытии и совершенствовании, а напротив, исчерпавшим свои ресурсы и близящимся к концу, уходу. Можно считать, что в этих практиках формируется некая специфическая модификация когнитивно-орудийной формации Безграничного Человека или же Homo technicus – скажем, «Человек Оконечивающийся». Эта модификация и составляет антропологическую основу тренда к Постчеловеку. Однако она ещё не исчерпывает антропологического содержания данного тренда; чтобы раскрыть полностью это содержание, следует перейти к конкретным версиям Постчеловека.

В практиках, направляющихся к Киборгу, осуществляется расширение «интерфейса мозг-машина», представляющее собой двоякий процесс, соединение «актуальной» и «виртуальной» киборгизации (соответственно, имплантации в человека различных машинных элементов и выходов, погружений человека в компьютерную виртуальную реальность). Актуальная киборгизация – дело «Оконечивающегося Человека», причем практики её таковы, что в них технологические практики сливаются воедино с соматическими и даже с практиками себя. Это – новый этап трансформативной антропологии и новый вид антропопрактик, который интенсивно развивается и приобретает всё растущую важность. Что же до виртуальной киборгизации, то её практики – именно те, в которых осуществляется формация Виртуального Человека; так что Виртуальный Человек – предтеча Киборга, пролагающий путь к нему (сам же Киборг уже не есть Человек). Итак, практики создания Киборга осуществляют Человек Оконечивающийся и Виртуальный Человек.

Аналогичное антропологическое содержание обнаруживается и у Мутанта. Ведущие к нему научно-технологические практики генной инжене-

рии осуществляет опять-таки Человек Окончивающийся. Присутствия Виртуального Человека не видно на первый взгляд, однако учтём, что эти практики манипулируют генетическим материалом Человека, внося разнообразные изменения в его геном. В результате, состав и строение генома, бывшие у Человека твёрдо закреплёнными и неизменными, превращаются в изменяемые, подвижные характеристики – причем, как подчеркивают исследователи соответствующих практик, весьма маловероятно удержать их изменения под полным контролем. Фукуяма признаёт вероятность такой ситуации, когда «мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [77, с. 308]. Учитывая трактовку виртуальности в синергичной антропологии (о ней скажем ниже), состояние генома, в котором он может испытывать произвольные неконтролируемые изменения, можно рассматривать как *виртуализацию генома*. Соответственно, Мутант может квалифицироваться как постчеловеческая формация с виртуализованным геномом. Таким образом, здесь также возникает некоторая связь с виртуальными практиками и с формацией Виртуального Человека, однако характер этой связи пока не очень ясен. Практики виртуализации генома отличны от практик выхода человека в виртуальную реальность, а их плод, существо с виртуализованным геномом, не есть Человек и не есть, в частности, Виртуальный Человек, хотя и может рассматриваться как принадлежность виртуальной реальности некоторого оригинального рода. Ясно, что и Киборг, не будучи Человеком и, в частности, Виртуальным Человеком, вместе с тем принадлежит виртуальной реальности (компьютерной). Ниже мы ещё вернемся к связи этих версий Постчеловека с Виртуальным Человеком, а пока констатируем, что продвижение к Постчеловеку осуществляют две антропоформации, Окончивающийся Человек и Виртуальный Человек; и, помимо того, сам Постчеловек в рассмотренных его версиях, уже не являясь антропологической формацией, сохраняет принадлежность виртуальной реальности.

Далее, наряду с антропологической атрибуцией конкретных версий Постчеловека, его концептуализация включает и ряд более общих философских проблем. Одна из них очевидна: первое, а возможно, и главное требование к понятию Постчеловека – провести отчётливую грань между Постчеловеком и Человеком. Где этот рубеж? Каковы критерии, которые отличают и отделяют Постчеловека от Человека? Прежде всего, существует фундаментальный предикат, который, несомненно, переходит от Человека к Постчеловеку – это познающий разум. Более того, предполагается, что переход к Постчеловеку принесёт кардинальное усиление способностей познающего разума сверх всех пределов, доступных и мыслимых для Человека; и это - апгрейдинг разума – едва ли не главный аргумент и стимул трен-

да к Постчеловеку. Однако любые другие свойства и способности Человека могут, вообще говоря, исчезнуть, быть отсечены. Если рассматривать не конкретные ныне реализуемые версии, а Постчеловека как такового, то по большей части о судьбе этих способностей и свойств нельзя утверждать ничего определённого. Тем не менее, можно всё же выделить ряд существенных черт Человека, которые заведомо не могут быть сохранены при переходе к Постчеловеку. Что это за черты?

В некоей мере, Постчеловек – потомок или крайнее продолжение, экстраполяция Декартова познающего субъекта, *Res cogitans*, и утраты при переходе к нему – отчасти того же рода, что и лакуны, выявлявшиеся в нашем анализе концепции человека у Декарта [79, с. 79–81]. В первую очередь, при тотальной трансформации человека, концентрирующейся на апгрейдинге разума, оказываются под угрозой интегральные характеристики и проявления Человека: такие, в которых он выступает как единое целое, с участием всех измерений человеческого существа и всех уровней его организации, соматики, психики и разума. Сюда относятся характеристики, выражающие способ бытия человека или, в терминах Хайдеггера, экзистенциальные предикаты (каковы бытие-к-смерти, забота, тревога и др.); любовь; интерсубъективные проявления, образующие сферу общения; эстетические восприятия, и проявления из религиозной сферы. Добавим, что есть и такие проявления, не обязательно интегральные, в которых многие и разные стороны Человека соединены, слиты между собой в тонком, неуловимом и невоспроизводимом сочетании. На подобных сочетаниях строится духовная, художественная, эмоциональная жизнь человека, на их основе возникают особые миры человеческого существования, культура переживаний и чувств, художественная и духовная культура... Как принято считать, именно в этих феноменах выражается сама квинтэссенция человеческого как такового, Человек в его уникальном своеобразии во Вселенной. Можно предполагать, что при переходе к Постчеловеку они исчезнут, окажутся отсечены – и таким образом, все они входят в список отличий Человека от Постчеловека. Так намечается разделительная граница формаций. Её полное описание должно быть много детальней, судьба каждой из основных категорий бытия человека и общества – судьба общения и общества, любви и смерти, искусства... – должна рассматриваться особо. Мы же сейчас остановимся только на одной стороне, религиозно-онтологической.

Ключевой вопрос здесь можно поставить так: *возможно ли в опыте Постчеловека различение бытия и сущего?* Или то же на языке синергичной антропологии: *способен ли Постчеловек на онтологическое размыкание себя?*

Положительный ответ на этот вопрос – минимальное условие для наличия религиозного измерения в феномене Постчеловека. Обычно рели-

гиозность не только не ассоциируется с Постчеловеком, но кажется абсолютно исключённой, немыслимой для него. Сочетание «религия Киборга» звучит абсурдно, но на поверку требует выяснения. Некогда мною обсуждался близкий вопрос о возможности религиозного сознания во внеземных цивилизациях [82, с. 243–254]. Как выяснилось, для ответа необходимо различать формы религиозности – или, равносильно, версии онтологического размыкания – с различным эпистемологическим содержанием, и среди этих форм имеются несущие высоко универсальное, трансантропологическое содержание. Априори такие формы могут принадлежать и Постчеловеку. В итоге, мы не можем пока утверждать, что категория трансцендентного исключена из категорий разума Постчеловека, и «постчеловеческая» судьба феномена религиозности требует дальнейшего анализа. В целом же, данный вопрос выводит к весьма нетривиальной проблематике эпистемологических условий онтологического структурирования реальности, которая изучается в когнитивной науке.

Особо встаёт вопрос об отношениях и границах между Постчеловеком и Виртуальным Человеком. Как мы видели при обсуждении Киборга и Мутанта, именно формация Виртуального Человека наиболее приближается к Постчеловеку и теснее всего соприкасается с ним; тренд к Постчеловеку развёртывается на территории этой формации, в виртуальной топике. Продвигаясь к концептуализации Постчеловека, следует более отчётливо описать соотношение этих двух формаций. Кроме того, как мы увидим, связи с Виртуальным Человеком весьма помогают раскрыть социальные аспекты тренда к Постчеловеку.

Обратимся к описанию Виртуального Человека в синергичной антропологии [82, с. 40–44]. Виртуальный Человек формирует свою конституцию в антропологических виртуальных практиках – практиках выхода в антропологическую виртуальную реальность. Сегодня основной вид таких практик – выходы в компьютерную реальность, такие, как обитание в киберпространствах, общение в социальных сетях, развитие «киберкультуры», включающей в себя компьютерные виртуализации различных форм культурно-художественной деятельности, и т.п. Наряду с ними в современном обществе распространён и целый ряд других видов – моделирование разных типов психологической виртуальной реальности или же массовые действия, «сейшены» рок- и поп-культуры. В трактовке синергичной антропологии, виртуальное явление – это недо-актуализация, «виртуализация» некоторого актуального явления, которая отличается от последнего лишь исключительно привативно – отсутствием, нехваткой тех или иных его измерений, предикатов, структурных элементов. Соответственно, определяющая особенность Виртуального Человека в том, что он не выстраивает са-

мостоятельной парадигмы конституции, но формирует свою конституцию из элементов конституции других базовых антропоформаций. Другая особенность – то важное обстоятельство, что Виртуальный Человек отнюдь не пребывает постоянно в виртуальной реальности, но известное время проводит в реальности актуальной, обычной, поскольку это необходимо для поддержания существования, а равно и диктуется социальным бытием, социальными обязательствами индивида. В этом смысле Виртуальный Человек ещё не полностью виртуален, он – своего рода «человек-амфибия», делящий своё существование между виртуальной и актуальной реальностью.

Возникает вопрос: а может ли Человек пойти дальше, осуществить уже не частичный, половинчатый, а полный и совершенный, окончательный уход в виртуальность? Из сказанного ясно, что подобный уход потребовал бы трансформации, радикальной смены самой природы и конституции Человека – иначе говоря, формация, в которой осуществлялся бы полный и совершенный уход в виртуальную реальность, была бы уже не Человеком, а Постчеловеком. Но что это за гипотетическая формация, возможна ли она? – Ответ лежит на поверхности. Выше мы специально проследили связи Киборга и Мутанта с виртуальной реальностью и теперь можем констатировать, что обе эти версии Постчеловека как раз и представляют собой полностью виртуализованные формации. Киборг, по самому определению, есть полная реализация компьютерной виртуальной реальности, ещё более образцовая её реализация – Постчеловек в версии трансгуманизма, компьютерный софт; наконец, Мутант, в нашем понимании его как существа с виртуализованным геномом – существа, у которого виртуальна сама его генетическая программа, – также принадлежит виртуальной реальности полностью.

Итак, между Постчеловеком и Виртуальным Человеком обнаруживаются новые тесные связи. Постчеловек представляется как своего рода «Чисто Виртуальный Человек» или «Ультра-виртуальный Человек» – предел виртуализации, на котором Человек уже перестаёт быть Человеком. В свою очередь, Виртуальный Человек представляется как формация, приближающаяся к Постчеловеку, находящаяся как бы на полпути к нему.

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИУМА

Установленные связи формаций помогут нам описать социальные измерения тренда к Постчеловеку, а также и самого феномена Постчеловека. Социальная реальность, которую выстраивает Виртуальный Человек, уже бегло изучалась нами [82]. Главные особенности её определяются тем, что сознание и разум Виртуального Человека не воспринимают никакой

связной единой системы представлений, но могут содержать лишь набор отдельных несвязных блоков. В силу этого наступает «конец эпохи убеждений»: человек ни в каких областях не может более обладать твёрдой системой убеждений, которую он бы способен был отстоять. Притом он и не желает этого делать. Теперь в его социальном поведении, политических и культурных стратегиях отсутствуют предикаты последовательности и непротиворечивости, законченности, единой согласованности. Все они виртуальности чужды.

В политической сфере эти свойства ведут к тому, что все её основные явления принимают новые формы, резко отличающиеся от прежних, традиционных и часто маркируемые посредством префикса *post-*: в сегодняшнем политическом дискурсе на первый план выступают такие новые концепты, как пост-политика, пост-идеология, пост-демократия. Если кратко описать их, то мы убедимся, что новейшие феномены и процессы в политической сфере можно с полным правом рассматривать как нарастающую виртуализацию политики.

Понятие постполитики, вошедшее уже в широкое употребление, разработали, главным образом, Жак Рансьер и Славой Жижек. Они показывали, что в наши дни происходит радикальная трансформация всех аспектов и измерений этой сферы: возникают новая организация политического пространства, новые формы политических сообществ и новые механизмы политического действия. Борьба сил и идеологий, представляемых конкурирующими политическими партиями, становится лишь видимостью, а не действительным содержанием политики: «Конфликт глобальных идеологических видений, олицетворяемых различными партиями, которые ведут соперничество за власть, заменяется сотрудничеством просвещённых технократов... в ходе обсуждения интересов достигается компромисс, принимающий вид более или менее общего согласия <...> Постполитика подчёркивает необходимость преодоления старых идеологических делений <...> при помощи экспертного знания и свободного обсуждения» [26, с. 272]. Сегодня все эти трансформации успели уже, в основном, подойти к финалу, и в результате, как резюмирует Жижек, «эпоха собственно политических действий <...> завершилась» [25, с. 91].

Уход от политической борьбы, снятие обострений и конфликтности, отказ от идеологизации – все эти качества постполитики воспринимаются как её преимущества и помогают её распространению. Но с ними неразрывно связан и ряд других качеств: как нетрудно увидеть, на этом пути неизбежно размывается, виртуализуется сама стихия Политического как такового. Конкретные социальные действия, акции протеста и другие «особенные требования» (Жижек) политизируются, становятся *политически-*

ми действиями, когда они связываются с политическими категориями, т.е. категориями всеобщего, универсального. Но именно этого и не допускает «включающая всё подряд, терпимая постполитическая логика», ибо «постполитика <...> препятствует универсализации особенных требований <...> постполитическая логика последовательно устраняет измерение всеобщности / универсальности, проявляющееся в политизации в собственном смысле слова» [26, с. 280]. В результате, содержание общественной жизни, общественные события и действия не выводятся в горизонт Политического – их политизация остается неполной, не актуализованной до конца. И это в точности соответствует нашим дефинициям виртуальных явлений. Итак, распространение постполитики означает, что политическое пространство, политические сообщества и действия реализуются лишь виртуально, а сама постполитика может квалифицироваться как *sui generis* виртуализованная политика.

Аналогичные черты новой социальной реальности выражает и понятие постдемократии, которое ввёл в 2004 г. английский социолог и социал-демократ К. Крауч. Согласно его определению, под постдемократией понимается «система, в которой политики всё сильнее замыкались в своём собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, оставались на своём месте» [36, с. 24]. Во многом постдемократия сближается с постполитикой: она также предполагает размывание, дезинтеграцию сферы политики с её традиционными структурами и механизмами. Как Крауч указывает, к постдемократии ведёт раздробление социальной структуры постиндустриального общества на множество групп, которые не поднимаются до политического бытия, создания форм своего политического представительства; и мы видели, что эта черта говорит о присутствии постполитики и виртуализации политики. Вместе с тем мы замечаем и новые особенности: постдемократии свойственно использование «манипулятивных техник» и в ней происходит имитация «здоровых демократий». Это лишь подкрепляет наши выводы: имитация и манипуляция – характерные признаки виртуализации социальных явлений.

Но наиболее сильно и сконцентрированно черты имитации и манипулирования представлены в другом из новейших пост-феноменов – в постидеологии. Его появление в социуме Виртуального Человека естественно и неизбежно: идеология – это система прочных убеждений, которые он, как выше замечено, иметь не способен. Тот же Жижек категорически заявляет: «Жалкие остатки «века идеологии» <...> совершенно неуместны в сегодняшней постидеологической вселенной» [26, с. 275]. Основные отличия по-

стидеологии от вышерассмотренных пост-феноменов – в её прямой связи со стратегиями действия. Идеология в её упрощенном ленинско-большевистском понимании являла собой комплект идейного вооружения, достаточный для целенаправленных действий в социополитической реальности. Постидеология наследует это назначение, однако должна его приспособить к изменившемуся антропологическому материалу – к «человеку без убеждений». Действия, цели и поведение такого человека формируются разрозненными обрывками убеждений, субъективными склонностями и слабостями, сторонними влияниями, а также и разными случайными факторами. Здесь – гетерогенная и фрагментированная социополитическая среда, и для воздействия на неё взамен программы и методов работы «партии ленинского типа» возникает нечто своеобразное и специфическое, странный на первый взгляд набор крайне разных практик.

Если идеология воплощалась в систематических практиках убеждения, агитации и пропаганды, то постидеология – это самые разнообразные техники провоцирования нужной реакции и подталкивания к нужной позиции. Эти техники используют и явные, и скрытые средства, они стремятся воздействовать не только, а часто и не столько на разум, сколько на эмоции, чувственное восприятие. Поэтому крупную роль здесь играют голословные декларации, слоганы, реклама, пиар, в том числе чёрный, средства внушения и психолингвистики, типа НЛП, неожиданные и нестандартные акции. Особо надо отметить растущую роль виртуальных техник, работы в киберпространствах и социальных сетях. В своей природе типичные элементы постидеологии могут быть определены как *сингулярные провоцирующие воздействия*. Они рассчитаны на эффект в данной ситуации, и поэтому постидеология de facto рассматривает социополитическую реальность как набор отдельных ситуаций, реальность дискретную и несвязную. И всё сказанное уже наглядно показывает, что, подобно постполитике и постдемократии, постидеология возникает в виртуализованном обществе и в свою очередь углубляет его виртуализацию далее.

Конечно, виртуализация социума – всесторонний процесс, охватывающий все его сферы; и, пожалуй, *виртуализация общения* порождает в социальной реальности еще более радикальные перемены, чем виртуализация политики. Она уже стала притчей во языцех, настолько захлестнули современную жизнь новые и всё умножающиеся формы виртуального общения. Они резко встряхнули и революционизировали всю стихию общения, разом сделали её на порядок более активной, привлекли к ней невиданный интерес. При этом интерес к новым технологиям здесь сливается воедино с интересом к новым возможностям, оттенкам, модальностям собственно межчеловеческого общения и контакта; и за счёт этого слияния сетевое

общение во всех его формах – истинная визитная карточка современного общества. В среде молодёжи сетевое общение стало повальным увлечением, нередко делаясь главным и многочасовым занятием и всё чаще приводя к патологической зависимости.

Здесь перед нами начинают открываться уже другие грани явления. Виртуальное общение – остро амбивалентный феномен! Чтобы понять его глубже, надо прежде всего представить весь спектр его форм: личная электронная переписка, скайп, вайбер; затем создание сетевых имиджей, которые делаются самостоятельными субъектами коллективного общения в соцсетях, чатах и т.д.; затем общение на форумах, вхождение в сетевые сообщества; наконец, стихия комментов под масками-никами, переключки-перебранки комментов... Это далеко не всё, но и отсюда ясно уже, что антропологический анализ явления требует упорядочить эти формы прежде всего по степени присутствия (или отсутствия) в них человека, аутентичного личностного содержания, или, иначе говоря, упорядочить их по степени удалённости от актуального личного общения лицом к лицу, по *глубине виртуализации*. Такое упорядочение, проделанное мною [81, с. 46–49], ведёт ко многим поучительным выводам, которые можно резюмировать так: *прогресс виртуализации влечёт регресс человечности*, антропологическую деградацию. Формы общения, отвечающие растущей глубине виртуализации, оказываются антропологически всё более ущербными. Эта ущербность проявляется во многих аспектах и выражается во многих эффектах, из коих сейчас отметим всего один, главный, на мой взгляд: с углублением в виртуал происходит распад этики, деэтизация, и наступает разгул всех худших и злых, грубых и примитивных инстинктов, побуждений, страстей. И причина проста: с ростом виртуализации общения растёт его анонимность, обезличенность; виртуальная маска-кличка человека (ник) отделяется от него самого, и у него нет за неё никакой ответственности. В ней нет уже его личности, и он может сделать её своего рода сточною ямой для своих нечистот, для злобных и подлых выпадов. Эта открывающаяся опция низости – нравственное искушение, которое можно назвать «эффектом Достоевского»: в «Сне смешного человека» герой размышляет как раз о подобной ситуации – было ли бы ему стыдно за подлость, которую он некогда совершил на Луне или на Марсе, если бы потом благополучно жил на Земле...

Итак, виртуализация этики и деэтизация – это не грядущая, а уже существующая опасность виртуального общения. Она не отменяет открываемых им ценных и положительных возможностей (в том числе, и для нравственного действия!), но очень ясно показывает, насколько глубокие изменения несёт виртуализация социума и насколько обоюдоострыми, амбивалентными являются её последствия. Растущее распространение и

доминирование виртуальных практик изменяет не просто структуру социума, но социальную ткань, фактуру, характер социальных процессов. Родилось новое крупное глобальное явление – мир компьютерных игр, внедрившийся где-то между формами досуга и культурными практиками и отмеченный теми же тенденциями к деэтизации и созданию аномальной, гипертрофированной зависимости. Рождаются и новые виды, жанры культурных и художественных практик – как, скажем, видеоинсталляция, тогда как традиционные виды радикально, революционно трансформируются. Принципиально новые возможности открываются для музейных практик. Но в особенности трансформации преобразуют театр и кино – те искусства, которые изначально несли в своей природе элемент виртуальности.

Кино в наши дни входит в теснейший альянс с интернет-технологиями, преобразуясь в некий род интерактивного зрелища, которое переводится с киноэкрана на компьютерный монитор. Новейшую тенденцию представляют фильмы, в которых действие разыгрывается в виртуальной реальности и соединяется с элементами компьютерной игры (зритель получает возможность участия в действии) – так что возникает синтетическая культурно-игровая виртуальная практика. Именно в таких синтетических практиках знаменитый российско-американский (ныне в Голливуде) режиссер и продюсер Тимур Бекмамбетов видит зародыш, плацдарм для предельно виртуализованного общества и человека будущего: «Наша жизнь в её самых разнообразных формах всё больше перетекает в интернет <...> Для нового поколения привычный мир – это мир экранов, скайпов, чатов, фейсбуков, инстаграмов. Мир, в котором люди проводят минимум восемь часов в день <...> [Приближается] слияние двух миров, кино и игры. Игровой мир <...> безграничный мир, в котором живут миллионы людей. В конце концов, произойдёт соединение кино с пространством игры и социальными сетями. Там мы и закончим свои дни» [10].

Эта впечатляющая перспектива, нарисованная очень знающим человеком, подводит, как видим, вплотную к Постчеловеку и заставляет нас вернуться к вопросам, заданным в начале. Как реагировать на приближение Постчеловека? Для ответа надо учесть, что виртуализованный социум, бегло нами описанный, ещё не есть «социум Постчеловека». При всех их сближениях, которые мы выявили, Виртуальный Человек – ещё Человек, тогда как Постчеловек – не Человек. Поэтому название данного раздела требует, строго говоря, поправки. Виртуализованный социум – это тот социум, который порождает Виртуальный Человек, но это ещё не «постчеловеческое общество», если понимать этот термин как общество, которое порождает Постчеловек. Априори неизвестно, будет ли вообще Постчеловек порождать нечто, что можно назвать обществом! Здесь – очередной вопрос, и от-

вет на него может быть разным для разных версий Постчеловека – скажем, для трансгуманистической версии ответ положительный едва ли возможен. Но сейчас мы ограничимся общими чертами, не входя в различия версий. Образует ли Постчеловек общество или нет, но при движении к нему уход от Человека, расчеловечение заведомо приведёт к утрате нового человеческого содержания, в дополнение ко всему, что уже принесла виртуализация. Почти с уверенностью можно сказать, что в добавление к распаду этики, мир эмоций, культуры чувств, миры искусства и духовной культуры, да и еще многое – скажем, институт семьи – должны будут исчезнуть.

* * *

Что же дальше? Если подобный финал антропологического и социального развития для нас нежелателен, если мы связываем с мирами, стоящими под угрозой, некоторую непреходящую ценность – перед нами встаёт проблема поиска стратегий, которые могли бы осуществлять коррекцию, сдерживание или блокирование движения к Постчеловеку. Необходимость таких стратегий, их принципы, их конкретные варианты – все эти темы возникли сразу же вслед за появлением самого тренда. Сейчас мы не имеем возможности углубляться в их описание, но в заключение всё же кратко обозначим нашу позицию.

Обычно говорят о сдерживании или регуляции тренда к Постчеловеку посредством политических и правовых мер. Так, Фукуяма пишет: «Некоторые новые технологии с самого начала нас пугают, и согласие относительно необходимости установить политический контроль над их разработкой и применением возникает сразу» [77, с. 255]. Законодательные ограничения на геноинженерные исследования сегодня уже существуют в большинстве стран. Однако, не отрицая подобных мер, нужно признать, что, как и любые запреты, они временны и преходящи. По своей природе эти меры поверхностны: действительное преодоление антропологического тренда может быть достигнуто лишь антропологическими же средствами, действиями на антропологическом уровне. Тренд к Постчеловеку – это тренд (или один из трендов) ухода Человека; ergo, противостояние ему и преодоление его – это утверждение присутствия Человека. Иными словами, тренд к Постчеловеку становится невозможен, если Человек берёт на себя миссию присутствия: осознаёт себя как того, кто неотъемлемо присутствует в реальности, как «присутствующее бытие».

Напомним: концепция человека как «присутствия» (Dasein, présence), восходящая к Хайдеггеру, ныне стала одной из ведущих в современной мысли о человеке. В такой концепции человек наделён отношением к бытию,

он актуализует «онтологическое различие» между бытием и сущим и представляет собою онтологическую инстанцию. В синергичной антропологии ему соответствует формация Онтологического Человека – человека, который конституируется в предельном опыте размыкания себя к иному образу бытия. Бывшая доминирующей в течение длительной эпохи, эта формация, начиная с Нового Времени и Просвещения, интенсивно вытеснялась процессами секуляризации в пользу других формаций, последними из которых, уводящими уже Человека к уходу со сцены, стали Виртуальный Человек и Постчеловек. И мы получаем вывод: та стратегия, что может доставить действительную и коренную альтернативу тренду к Постчеловеку, – это стратегия возврата Онтологического Человека если не к доминирующему, то к значительному, весомому положению в антропологической ситуации. Возвращаясь, он должен быть адекватным сегодняшней антропосоциальной реальности, и это неизбежно требует его обновления, «другого начала». В каком виде, в какой репрезентации Онтологического Человека может осуществиться его возврат? Сегодня этот большой вопрос открыт. Но мы уже знаем, что подобный возврат открывает перспективу, в которой у Человека есть будущее.

ПОСТЧЕЛОВЕК КАК СОБЛАЗН И УГРОЗА

Комлева Н.А.

*доктор политических наук,
Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина
(620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19)*

Концепция постгуманизма, обосновывающая необходимость и возможность создания «постлюдей» и «постчеловечества», и глобальное социальное движение за её реализацию возникло после распада СССР и мировой системы социализма во второй половине 90-х гг. прошлого века. Идеи постгуманизма популярны прежде всего среди представителей точных и естественных наук [46].

Суть идеи постгуманизма в том, что современные технологии позволяют настолько усовершенствовать биологические и психические способности человека, что его природа трансформируется, и он фактически превращается в киборга со сверхспособностями как в сфере телесности, так и в области интеллекта. Сайт Российского трансгуманистического движения так описывает подобную перспективу: «Биомедицинские технологии <...> позволяют геным инженерам по их усмотрению изменять челове-

скую молекулу ДНК, генокод, генотип, фенотип, телесность, нейросистему. Учитывая всё это, нетрудно понять энтузиазм разработчиков всё более могущественных нано-био-гено-нейро-инфо-медийных и компьютерных сверхтехнологий, которые мечтают о времени, когда они с помощью упомянутых сверхтехнологий будут по своему усмотрению изменять человеческую природу». При этом в качестве одной из важнейших задач решается «проблема изменения генетической конституции индивида, его нравственной идентичности» [59].

С помощью новых гуманотехнологий, или «гуманитарии», (в частности, технологий генетического программирования, нейро-чипов, искусственного интеллекта) люди смогут кардинально усиливать свои интеллектуальные и физические возможности. Особое внимание постгуманисты уделяют проблеме интеграции мозга и компьютерных сетей, и даже возможности переноса личности на компьютерный носитель. По их прогнозам, это произойдёт примерно в 2035–2040 гг. «Постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях» [97]. Во всяком случае, люди перестанут рождаться «естественным путём», и даже самого по себе биологического зачатия не будет: по расчётам специалистов Института проблем лазерных и информационных технологий РАН, человека можно будет напечатать на 3D-принтере за 2 часа 47 минут [53], причём сразу во взрослом состоянии. Такие технологические возможности просто «снимают» проблемы воспитания и какого-либо длительного идеологического воздействия на человека с целью изменения его сознания в необходимом направлении: нужное направление мыслей и действий будет задано при печати на биопринтере изначально посредством целенаправленно сформированных генетических свойств данного индивида. Постгуманисты убеждены, что грядущий прогресс в сфере гуманотехнологий не только изменит биосоциальную природу человека и планетарный мегасоциум, но и сделает возможным создание изобилия ресурсов для каждого человека планеты. Это произойдет с помощью биотехнологий, так называемого биохакерства, которое позволит создавать из любых живых существ «биофабрики, биореакторы, биомшины» по производству ресурсов [59]. В этом и состоит соблазн «постгуманизма» и «постчеловечества» – в обещании сверхспособностей для обычного человека: способности достичь бессмертия, отсутствия болезней, вечной молодости, безграничных интеллектуальных способностей. Постчеловек, как было отмечено выше,

может оказаться и полностью искусственным созданием (основанным на искусственном интеллекте). То есть речь идёт о последовательном целенаправленном преобразовании самой природы человека: от этапа биосоциальной природы человека к этапу его социобиологической и, наконец, биокибернетической природы. Американский учёный С. Шостак, директор проекта поиска внеземного разума SETI, утверждает, что постчеловек уже не будет представлять вид *Homo Sapiens* и будет отличаться от человека так же, как собака отличается от своего далёкого предка, волка [44].

Последний этап эволюции человека – постчеловек – это, на наш взгляд, равным образом результат как развития науки и технологий (возможности и практическая реализация соответствующих технологий медицины, биологии, генетики, кибернетики), так и целенаправленного конструирования со стороны определённых структур общества (политический класс, глобальные корпорации) и со стороны самого по себе конкретного индивида (желание и практическое стремление воспользоваться предоставляемыми возможностями для себя лично). Во всём этом предприятии, на наш взгляд, явственно просматривается соблазн*. Со стороны индивида – соблазн нескончаемого наслаждения, фактически бесконечного по времени и по разнообразию форм. Со стороны «политического класса» общества и, главное, со стороны глобальных корпораций-производителей разнообразных благ – соблазн абсолютной управляемости индивидами, массовидно едиными в своих стремлениях к гедонистическому потреблению благ и относительно легко управляемыми посредством манипулирования процессом гедонистического потребления. Фактически речь идёт о возможности бесконечного потребительства, об Абсолютном Потребителе как базовой единице социума. Закономерности гедонистического потребления изучены, и механизмы управления этим процессом наработаны в течение предыдущего столетия. Особо отметим, что гедонистическое потребление исключает политическое участие, помимо участия в политических шоу, которые в значительной степени – со стороны рядовых участников – являются формой потребления приятных эмоций. Гедонистическое потребление, в частности, абсолютно исключает какие-либо формы социального протеста, поскольку социальный протест, как правило, связан с неприятными событиями в виде возможного силового столкновения сторонников различных социальных и политических групп, разгона манифестаций полицией, заключения под стражу, судебного преследования и отбывания тюремных сроков. Абсолютный Потребитель как базовая, а впоследствии и численно преобладающая часть социума уничтожает «на корню» какую бы то ни было классовую борьбу, отстаивание социальных прав в виде массовых волнений, полити-

* Соблазн – греховное искушение, повод к греху (церк.) [67].

ческих переворотов и, тем более, революций. Наконец, после многовекового периода перманентно существующей опасности для высших классов со стороны низших, «в Багдаде будет всё спокойно». Постчеловек, или Абсолютный Потребитель – мечта и соблазн как для корпораций, производящих товары и услуги, так и для Потребителя-гедониста как такового.

Промежуточным этапом на пути к постчеловечеству и постчеловеку является трансчеловек и трансчеловечество, а также обосновывающая эти феномены концепция трансгуманизма. В отличие от постгуманизма трансгуманизм не так радикален и концентрирует внимание не столько на собственно технических / кибернетических основаниях эволюции от человека к постчеловеку, сколько на социальных и психологических основах движения к постчеловечеству. В частности, пропагандируется идея самособственности, т.е. права человека на такие изменения в своём личном теле, интеллекте, психике, какие сам человек пожелает, имея в виду своё личное индивидуальное движение к состоянию постчеловека. Самособственность сочетается с самосуверенитетом, т.е. отстаиванием права человека на невмешательство государства или любых негосударственных социальных структур не просто и не только в его частную жизнь, но в любые формы его личного индивидуального развития и существования. «В динамичной децентрализованной системе личного выбора и ответственности люди не обязаны верить ничьему авторитету, кроме своего собственного» [101, р. 168]. Формированию состояния самособственности и самосуверенитета индивида способствуют существующие на данный момент такие социальные практики, как ЛГБТ-деятельность, чайлдфри (отказ от деторождения), суррогатное материнство, свободный выбор биологического пола (операции по смене пола), улучшение внешнего вида путём применения имплантов. Сайт Российского трансгуманистического движения предлагает следующее определение трансчеловека. «ТРАНСЧЕЛОВЕК: Некто, активно готовящийся стать постчеловеком. Некто, достаточно информированный, чтобы увидеть в будущем радикально новые возможности, готовящийся к ним и использующий все существующие возможности для самоулучшения» [97].

По нашему мнению, данный соблазн на деле оборачивается тем, что в результате применения «гуманитарии» активизируется возможность создания абсолютно контролируемой эволюции человека в интересах сегодняшних «хозяев мира», глобальных корпораций. Они не желают терять прибыли из-за периодически возникающих социальных протестов работников наёмного труда и необходимости проявления «социальной ответственности бизнеса», а также из-за большого количества голодающих и больных в «развивающихся странах», требующих масштабного отвлечения средств

на гуманитарные программы. Но главное – контроль «нравственной идентификации человека» и сращивание биологии человека с кибернетической составляющей позволит навсегда избавиться от локальных войн за ресурсы и социальных войн между «капиталом» и «трудом», затратных как в финансовом, так и в имиджевом плане. Человек-киборг не болеет, не устает, живёт долго, программируется на любое действие – т.е. является идеальной рабочей силой, не требующей никаких социальных гарантий в виде восьмичасового рабочего дня, качественного медицинского обслуживания, высокого уровня образования, политических свобод и т.п. «завоеваний правового социального государства». Понадобится относительно небольшое количество таких «идеальных работников», что позволит радикально уменьшить население земного шара (скорее всего, с помощью намеренного распространения генетически целенаправленных болезней) и продлить время использования природных ресурсов планеты для блага «новой расы господ», контролирующей развитие и применение «гуманитарии». Наличие постлюдей / транслюдей и замена ими биологического вида «обычного человека» закрепят все природные ресурсы (в том числе биологические и интеллектуальные ресурсы самого человека – наёмного работника) за определёнными акторами на глобальном уровне. Суть «гуманитарии» как особой формы агрессии против большей части человечества заключается в том, что ликвидируется сама «традиционная» биологическая природа человека, а вместе с нею отнимается навсегда право на свободу личности и свободу социальных проявлений, до того времени считавшееся естественным правом человека. Реализация проекта постчеловечества навсегда упразднит феномен и понятие прав человека, во всяком случае, понятие так называемых естественных прав, вытекающих из базового в данном случае понятия / феномена природы человека. Если природа человека перестаёт быть биологической, то и естественным правам человека приходит конец. Более того, «права человека — это всё, что человек таковыми заявляет» [102].

После распада СССР и мировой системы социализма противником бесконтрольного использования ресурсов планеты со стороны глобальных корпораций и государств, поддерживающих данные корпорации, становится уже человечество в целом – конкретнее говоря, та его часть (наибольшая), которая является наёмной рабочей силой и требует социальных гарантий своего воспроизводства и развития, ставших привычными за почти столетний период «борьбы двух систем». В отсутствие примера социальных гарантий со стороны «мировой системы социализма» бизнес активно старается сбросить «социалку». Но этому препятствуют структуры гражданского общества, защищающие как права наёмных работников, так и права человека в целом. Значит, нужно решить проблему радикально и

подвергнуть процессу преобразования весь класс наёмных работников, т.е. бо́льшую часть человечества, при этом осуществив превентивный захват его прав – до того, как начнётся активное массовое отстаивание этих прав. В конечном итоге процесс создания «постлюдей», т.е. абсолютно управляемых биокибернетических особей, приведёт к ожидаемому результату – закреплению последствий захвата ресурсной базы планеты и её основных рынков глобальными корпорациями без применения «горячей» стадии глобальной войны. Кроме того, рабочая сила человека, его готовность и способность к труду также является ресурсом, причём самым главным в условиях постиндустриальной цивилизации. Для кардинального преодоления сопротивления наёмных работников, как уже говорилось выше, и предназначена «гуманитария» как технология, а также концепция «постгуманизма» как её теоретическое обоснование.

Есть и ещё один аспект постгуманизма, который заставляет смотреть на практику реализации идеи постчеловека как на угрозу. Это сама по себе возможность личностного, индивидуального выбора своей собственной природы: социобиологической по характеру, биокибернетической, кибернетической. «Когда лотерея сменится выбором, откроется новое поприще для соревнования людей, такое, которое грозит увеличить разрыв между верхом и низом социальной иерархии» [77]. Более того, академик РАН М.В. Ковальчук уверен, что дело идёт к формированию новой расы господ и рабов или, в его интерпретации, «служебного класса людей» – на основе концепции постгуманизма. «Сегодня возникла реальная технологическая возможность в процессе эволюции человека и цель – создать принципиально новый подвид *homo sapiens*, „служебного” человека <...> сегодня биологически это становится возможным сделать. Свойство популяции „служебных” людей очень простое – ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, уже это происходит. Вторая вещь – управление размножением. И третья вещь – дешёвый корм, это генно-модифицированные продукты. Это тоже уже всё готово. <...> Абсолютизация свободы личности: личность выше государства суверенного, дети выше родителей и так далее. А к чему это приводит? Это фактически лозунг к слову суверенного государства, суверенитета государства, который является единственным инструментом защиты общества и ценностей и соблюдения баланса между правами и свободами человека. И мы с вами это наблюдаем сегодня. Вот абсолютизация лозунга свободы личности приводит к уничтожению суверенных государств. <...> И ещё очень важная вещь – фактически замена этого организованного сообщества взаимодействующих и защищённых государством людей совокупностью, просто популяцией управляемых отдельных индивидуумов. Вот о чём идёт речь» [34].

«Служебные люди» могут пригодиться для осуществления по меньшей мере двух проектов: военного и космического. Гонка великих космических держав в исследовании планет Солнечной системы на наличие природных ресурсов, способных стать заменой истощающимся ресурсам Земли, приобретает в последнее время особую остроту. Для исследования ресурсов планет и работ по их использованию как нельзя более кстати придется «постлюди» с их сверхспособностями и сверхуправляемостью. Как известно, в США в настоящее время существуют частные космические аппараты и частные космопорты. Они вполне могут быть использованы не только в военных целях (пока не существует норм международного права, регулирующих данный вид деятельности), но и для экспериментов по отправке в космос и работе там «постлюдей». Частный характер бизнеса позволит держать в тайне подобные эксперименты – до момента, когда либо невозможно будет их утаивать, либо понадобится обнародовать. Помимо осуществления проектов освоения ресурсов планет Солнечной системы и объектов за её пределами, постчеловек – это идеальный «универсальный солдат», который не требует такого же масштабного медицинского и бытового обеспечения, как «традиционный» военнослужащий, а его способности и эффективность на поле боя несравнимо выше. Вследствие этого обстоятельства «горячие» войны будут легко и быстро выигрываться теми развитыми странами или глобальными корпорациями, которые имеют финансовые, социально-политические и технологические возможности для массового социального конструирования «постсолдат».

Б.Г. Юдин, говоря о концепции постгуманизма, акцентирует внимание на том, что одной из базовых опор этого мировоззрения является именно концепция и практика социального конструирования: «... принципиальной особенностью современного подхода является его отчётливо выраженный конструктивизм. Не только каждая общая или специфическая черта каждого биологического организма, не только биологический организм как целое, но и каждое человеческое существо воспринимается как в некотором смысле созданное, порождённое, как сконструированное. Более того, именно эта сконструированность открывает возможности для преднамеренного реконструирования человеческого существа» [92, с. 527]. Социальное конструирование постчеловека с неизбежностью встаёт в противоречие с идеей Божественного творения, сотворения человека и мира Богом. Как постгуманизм относится к этим постулатам, присутствующим в любой мировой религии? А вот как: сама религия как таковая объявляется разновидностью психического заболевания [94]. В частности, Лилиан Эндрюс, член Американской психологической ассоциации, утверждает: «Религиозные верования и феномен разгневанного Бога на протяжении многих столетий

несут хаос, разрушения, смерть и войны. Уже давно пора начать эволюцию в сторону современного общества и признать эти устаревшие верования психическими нарушениями. Это первый из многих шагов, которые предстоит сделать в положительном направлении» [94].

Оценивая концепции пост / трансгуманизма, необходимо иметь в виду «необходимость взвешенных и конструктивных подходов к прогнозируемым трансформациям» [18, с. 42]. Мы разделяем мнение о том, что «...рецепты биотехнологического счастья являются не более чем очень популярными современными утопиями и мифами. Зачастую очень опасными по своим последствиям» [58, с. 127].

ТРАНСГУМАНИЗМ – ТУПИКОВАЯ ВЕТВЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ?

Фишман Л.Г.

*доктор политических наук,
Институт философии и права Уральского отделения РАН
(620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16)*

Что такое трансгуманизм в мировоззренческом смысле? Является ли он только совокупностью футурологических прогнозов, совместимой с любой идеологией, или представляет собой нечто большее?

Обычно под трансгуманизмом, в так сказать, «чистом» и идеологически нейтральном виде его приверженцы понимают философию и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментального улучшения человеческого состояния средствами науки и технологии. Трансгуманисты ищут продолжения и ускорения эволюции разумной жизни за пределами её текущей человеческой формы и человеческих ограничений с помощью средств науки и технологии, будучи ведомыми жизнеутверждающими принципами и ценностями.

Фактически, «чистый» трансгуманизм исходит из того, что проблемы, порождённые человеком, им неразрешимы и потому их должно разрешить «трансчеловечество». Например, утверждается, что в основе социального неравенства лежит нередко биологическое и потому его коррекция научно-техническими методами есть также и редукция социального неравенства; между борьбой с социальным неравенством в обычном понимании и коррекцией его научно-техническими методами нет никакого противо-

речия [98, р. 195–197]. Какими ни были социальные проблемы в настоящем, будущий «идеальный человек», который возникнет «как путём раскрытия потенциала человеческой природы, благодаря успехам в образовании, медицине и апгрейде человека, так и благодаря синтезу человека и сильного ИИ», «пронзит самую суть социального строя» [7, с. 132].

ТРАНСГУМАНИЗМ – «НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ»?

Является ли таким образом понимаемый трансгуманизм какой-то самостоятельной новой идеологией? Как считает В. Катасонов, трансгуманизм несомненно есть некоторая новая идеология. Более того, «в условиях отказа от классических идеологий XIX–XX вв., трансгуманизм, опирающийся на современный научно-технический прогресс, столь популярный в молодёжной среде, вбирающий в себя и экологические течения, остается по существу, единственной идеологией, которая обещает человечеству поступательное развитие...» [31].

Если описывать трансгуманизм как проявление техноутопизма (например, как «цифровую утопию»), то у него трудно обнаружить чёткую идеологическую идентичность. Как замечает Т. Медведева, «описательные возможности данного конструкта настолько широки, что способны при соответствующем подходе вместить в себя неолиберальные идеологии, постколониальные и посткоммунистические панацеи, модернизационные, технологические и инновационные проекты, глобализаторские и контрглобализаторские стратегии» [48, с. 59].

Основания для такого понимания дают и сами трансгуманисты: «Ввиду того, что предлагаемые ответы на вызовы глобальному человечеству лежат в сфере политических решений, но сама идеология аполитична в традиционном понимании, мы и называем трансгуманизм квазиполитической идеологией. Более того, трансгуманизм ставит и философские вопросы, такие, как возможное самоуправление самим видом ходом своей дальнейшей биологической (и культурной) эволюции. Правда, то или иное решение в этом случае также перейдёт в сферу политики – такие решения, очевидно, могут быть только политическими, основанными на самом широком обсуждении проблемы и принятии социально приемлемого решения, основанного на политическом консенсусе» [15].

Однако сразу же обнаруживается, что новая «квазиполитическая идеология» имеет вполне себе старый и легко узнаваемый подтекст: «Это единственно возможный путь для демократического и либерального социума. А глобальное человечество демонстрирует тенденцию к превращению именно в такое общество. Тут можно отметить, что наиболее справедли-

вые решения, как показывает человеческий опыт, являются одновременно и наиболее оптимальными и разумными. Это не случайность. Подобная корреляция является следствием той эволюции, которую прошёл наш вид. Экономическая «рациональность» не совпадает с реальным рациональным поведением людей, выработанным в их эволюции. Экономика – только эпизод в истории человечества, не изменивший глубинных основ поведения человека, формировавшегося миллионами лет эволюции нашего и предковых видов» [15].

Характерно, что «трансгуманисты вообще», формально признавая важность социальных вопросов, на деле не пытаются предлагать никаких вариантов их решения, да и, фактически отрицают социальную природу человека («экономика – только эпизод в истории человечества»). Они отщепляются общими фразами в том духе, что трансгуманизм не предлагает новых способов перераспределения общего пирога, но способствует его увеличению. Будущее для них в социальном и политическом плане – это либерально-демократическое и капиталистическое настоящее.

Таким образом, в «чистом» виде трансгуманизм фактически примыкает к неолиберальному мейнстриму, когда, например, «информационные технологии и информационное общество рассматриваются как условие и сила, способные реализовать триумфальное воплощение неолиберального сценария с его верой в доминирование рациональности, новационности, экономической и политической либеральности, открывающими возможность для неограниченного производственного роста и, соответственно, увеличивающейся динамики потребления» [48].

Но если трансгуманизм по большому счёту есть фактическая апология капитализма и либерализма, то в чём его новизна и есть ли она вообще? Она есть и заключается в том, что трансгуманизм, среди прочего, предлагает такие методы решения социальных проблем, которые могут «остановить» историю. В самой по себе идее решения социальных проблем научно-техническими методами ничего нового нет. Новые способы организации труда, способы контроля над населением и т.д. – тоже технологии, но социальные**. И эти технологии так или иначе вмешиваются в человеческую природу, направлены на переделку человека под нужды «мегамашины», как бы она ни эволюционировала с течением времени.

Вопрос о вмешательстве в человеческую природу – это вопрос достижения гарантий того, что человек будет добросовестно выполнять свою социальную роль. Например, роль чиновника, военного или рабочего. Сейчас это достигается клятвами, присягами, штрафами и поощрениями, внешним контролем и легитимным насилием, воспитанием и т.д. Но все

** Л. Мэмфорд не случайно говорил о первых империях Востока как «мегамашинах».

эти способы имеют «ограниченную годность» в исторических масштабах. Рано или поздно противоречия внутри общественного строя ведут к сбрасыванию оков и отмиранию прежних версий «мегамшины». Люди имеют и используют возможность эту мегамашину сломать или уклониться от её воздействия. В трансгуманистической же перспективе открывается возможность использования технических способов программирования поведения, чтобы заставить человека следовать определённым правилам. В либерально-демократических идеологических рамках возникающие в связи с этим проблемы сводятся к вопросу добровольности и ответственности (ответственность в обмен на новые возможности, силу и власть).

Однако проблема тут другая. Технический способ решения проблем привлекается, когда социальными методами проблема неразрешима. Иными словами, ни воспитание, ни легитимное насилие, ни идеологическая обработка не могут дать гарантированных результатов просто потому, что сами навязываемые ими стандарты поведения и ценности противоречат «человеческой природе», «родовой сущности человека» и т.д., ибо являются попыткой закрепить его отчуждённость, возникшую в результате несправедливого и антигуманного общественного устройства. Конечно, можно пытаться представить природу человека такими образом, что высшая стадия её развития будет совпадать с потребностями «мегамшины». Так, в концепции Кольберга высшей стадией морального развития человека является осознание им тесной связи между либеральными («общечеловеческими») ценностями и моральными нормами [35]. Однако сам Кольберг отмечал, что людей, достигших такой стадии, почти нет. Не значит ли это, что данная стадия недостижима одними только социальными мерами (воспитание, образование, индоктринация, насилие), а навязывание её мерами техническими означает подгонку человека под отчуждающий его стандарт поведения? И не только поведения, но, в широком смысле, практики: например, речь может идти об изменениях организма, способствующих той или иной специализации (которая вовсе не есть однозначное благо, а нередко – трансформация организма в связи с требованиями рынка труда).

Иными словами, трансгуманизм в «чистом» виде объективно выступает как агитация в пользу текущей версии «мегамшины». Какие бы цели ни ставили отдельные трансгуманисты, абсолютизируя технические способы решения проблем человечества, они фактически обосновывают возможность «остановки» истории. И такая вытекающая из трансгуманизма возможность не может не беспокоить ни его сторонников, ни его оппонентов. Поэтому трансгуманизм оказывается перед лицом необходимости определиться в области философии истории.

ТРАНСГУМАНИЗМ И ЕГО ГЛАВНЫЕ ОППОНЕНТЫ

Трансгуманизм достигает этой своей цели, пытаясь присвоить себе монополию на Просвещение. Просвещение – парадигмальная матрица, лежащая в основе доминирующей сейчас либеральной идеологии; в более широком смысле проект Просвещения – основа всё ещё продолжающейся эпохи Модерна. Следовательно, речь идёт о том, чтобы маргинализировать по отношению к этой парадигме по крайней мере часть оппонентов трансгуманизма.

Так, Д. Хьюз утверждает: «Моя позиция состоит в том, что трансгуманизм – это убеждённость в том, что технология может переступить ограничения человеческого тела и мозга, и техно-утопизм – идея о том, что человек может создать прогрессивно лучшее будущее путём разумного управления природой, что является частью философии Просвещения. Трансгуманизм и техно-утопизм могут быть прослежены к мыслителям Просвещения, стоящим у его истоков 300 лет назад, и трансгуманистам необходимо понимать, как идеологические конфликты внутри трансгуманизма сегодня являются продуктом конфликтов 300-летней давности внутри Просвещения. Этот анализ также является попыткой ясно увидеть, какая критика трансгуманизма исходит из его внутренних противоречий, и какая от внешних, не связанных с Просвещением предикатов. Другими словами, утверждение о том, что трансгуманизм плох потому, что он угрожает человеческому духу – это критика с не связанной с Просвещением позиции» [85].

Критика трансгуманизма с той точки зрения, «что он угрожает человеческому духу», тем не менее, прямо связана как с Просвещением, так и с более широким культурным контекстом, частями которого являются и Просвещение, и трансгуманизм, и его оппоненты. Она имеет основания в той мере, в какой традиционно-христианское мировоззрение является матрицей любого другого, *которое рассматривает Историю как линейный процесс, имеющий некоторую цель и, возможно, конец.*

Поэтому, когда Хьюз говорит, что «утверждение о том, что трансгуманизм плох потому, что он угрожает человеческому духу – это критика с не связанной с Просвещением позиции», он упускает, что историософия Просвещения – альтернативная христианской (но отвечающая на поставленные христианством вопросы!) интерпретация истории человеческого духа и человеческой природы.

Если у истории нет цели, то у проекта Просвещения нет смысла. Поэтому в парадигме Просвещения нельзя уклоняться от вопроса о цели и конце истории. Прогресс разума и развитие человеческих сил не может не перейти в какое-то новое качество. Вопрос о цели истории в парадигме

Просвещения в общем виде сводится к постулированию прогресса разума и развёртывании различных потенциалов, обусловленных человеческой природой. При этом сама природа человека понимается преимущественно биологически, либо её понимание сводится к фиксации наличного «буржуазного» состояния. Соответственно, и целью истории человеческого общества является всемерное развитие правового состояния, свойственного буржуазному обществу. Если конечная цель прогресса трактуется как полное торжество разума и воплощение разумных начал в жизни людей и общественном устройстве, тогда «под это разумное общественное устройство могут подводиться различные социальные идеалы, связываемые со свободой, справедливостью, развитием личности, равенством, гуманностью...» [3]. В итоге эта парадигма рождает теорию модернизации и либеральное представление о цели исторического развития и даже «конце истории».

Каковы бы ни были исторические и, если угодно, «классовые» ограничения такой постановки вопроса, надо признать, что она является достаточно полной, не урезанной. Она исходит из того, что человек – природное и социальное существо и что поэтому решение вопроса о цели истории обязано предполагать некое представление об «идеальном» социальном устройстве, в котором человеческая природа и раскроется полностью. Достижение такого устройства не имеет прямой корреляции с абстрактным прогрессом разума: прогресс наук и искусств далеко не всегда ведёт к прогрессу нравов.

К настоящему времени, однако, становится очевидным, что либерально-модернизаторская версия конца истории неадекватна. В лучшем случае она может отделяться утверждениями в духе, что признаваемые ею цели истории не могут быть достигнуты окончательно и потому каждое поколение обязано всё более расширять достижения либерализма и демократии, приближаясь к идеалу по асимптоте. Это звучит неубедительно. Но тогда на первый план выдвигается другая трактовка истории как шествия прогресса, также восходящая к Просвещению – как беспредельного совершенствования и развёртывания разума. Она хорошо соотносится с развитием научного знания. В этой парадигме просветительская (или восходящая к ней) мысль не то чтобы полностью уклоняется от социальной проблематики и связанных с ней неудобных вопросов, но старается, в конечном счёте, переложить ответственность за их решение на будущие поколения. Чтобы такая стратегия выглядела оправданной, провозглашается, что научный прогресс вот уже совсем скоро настолько изменит саму природу социальных отношений и человеческую природу, что все нынешние представления о ней просто устареют. Поэтому надо готовиться не к скучному настоящему с его неразрешёнными проблемами, а к гипотетическому будущему, в котором «идеалы, связывае-

мые со свободой, справедливостью, развитием личности, равенством, гуманностью» будут достигнуты не архаическими социальными, а прогрессивными научно-техническими методами. Примерно в таком ключе и рассуждают многие трансгуманисты, в принципе признающие важность социальной проблематики, но дистанцирующиеся от неё. Сосредоточенность на будущем является для них индульгенцией, освобождающей от проблем настоящего, если только они не связаны с развитием науки и техники.

Таким способом, на первый взгляд, решается проблема возвращения истории цели и смысла – проблема, с которой, очевидно, не справилась парадигма либеральной модернизации. Цели и смыслы отодвигаются в будущее, но в будущее, которое можно пощупать руками, о чём говорят всё новые и новые достижения научно-технического прогресса. Более того, возвращается даже проблематика конца истории как истории человечества (или человеческого).

Итак, актуальность трансгуманизма обусловлена тем, что, в сущности, это учение о цели, смысле и даже конце человеческой истории. Трансгуманизм отвечает на предельные вопросы, поставленные, правда, не им самим. И поэтому наиболее опасная и аргументированная критика трансгуманизма может осуществляться только со стороны учений, которые ставят те же предельные вопросы и имеют свою версию конца истории (и, соответственно, условий этого конца). Эта критика возможна как с позиций марксизма, так и с позиций христианства. *Они указывают фактически на одну и ту же болевую точку трансгуманизма: на его потенцию остановить историю, исходя из интересов приспособления человека к потребностям «мегамашины» или «царства кесаря».*

Трансгуманизм и христианство – это, в сущности, две историософии и антропологии, которые в равной мере могут быть истолкованы как пессимистические и оптимистические. Христианство пессимистично, поскольку не верит в достижение человечеством такой степени морального и социального совершенства, которое сделает возможным его спасение без божественного вмешательства. Поэтому финалом истории является Апокалипсис. Тем не менее, христиане верят в то, что человеческое совершенство в принципе достижимо путём божественного вмешательства и, что главное, без участия «мегамашины» и кесаря («царство моё не от мира сего»). Более того, возможность совершенства *изначально заложена Богом в природу человека.* Поэтому в данном смысле историософский и антропологический пессимизм христианства сменяется оптимизмом.

Трансгуманизм не верит в совершенствование человеческой природы без внешнего вмешательства, и в этом он похож на христианство. Но его неверие более фундаментально. Согласно многим трансгуманистам мать-

природа (которая тут замещает Бога) изначально поставила пределы совершенствованию человека. Эти пределы могут быть преодолены посредством внешнего вмешательства, которое, правда, будет означать конец человека как такового. И действительно, это конец человека, но не в пользу какого-то высшего существа, сверхчеловека, а, скорее, в пользу чего-то меньшего, чем человек. Трансгуманистические более совершенные тело и сознание напоминают обещанные Богом только внешне, поскольку критерием совершенства выступает не божественный замысел относительно подлинной человеческой природы, а потребности мегамшины, под которые эти тело и сознание трансформируются. Мегамшина при этом может быть осмыслена как власть сатаны: «если большая часть трансгуманистов – это «символические» люцифериане, или бессознательные богоборцы, то «просвещённые» борются с Богом осознанно, последовательно приближаясь к конечной цели – упразднить власть Бога и поставить высшей мировой силой человека в лице антихриста, который выйдет от сатаны» [86].

Трансгуманистическая перспектива с христианской точки зрения резонно воспринимается как угроза прервать реализацию божественного замысла и преждевременно остановить историю, так и не достигнув развёртывания подлинной человеческой природы. Христианство может скептически относиться к перспективе прогресса человеческой природы, что само по себе спорно. Однако оно указывает на то, что в трансгуманизме как «запасной версии» Просвещения прогресс собственно человеческой природы и вовсе подменяется прогрессом техники. В итоге целью трансгуманизма становится даже не постчеловек, как нечто всё-таки связанное с человеком, а некий абстрактный «субъект, полностью освободившийся от человека» [87, с. 144]. Таким образом, христианство оспаривает трансгуманизм не только на поле «угрозы человеческому духу», но и в парадигме просвещенческой философии истории, в которой прогресс – это развёртывание потенциалов *человеческой*, а не какой-то иной, природы.

Со сходной точки зрения выступает по отношению к трансгуманизму и *марксизм*, даже те его приверженцы, которым некоторые аспекты трансгуманизма близки. Так, Дж. Стейнхофф пишет: «Я полагаю, что развитие технологий, отделённое от самоопределения человека, не приведёт к революционным изменениям в обществе – а скорее даже наоборот. Большинство трансгуманистов уделяет мало времени социальной природе человека – и здесь трансгуманистам, кажется, стоило бы поучиться у Маркса. Превращение человека большинством трансгуманистов видится как процесс, затрагивающий атомизированных индивидуумов, которые существуют сравнительно независимо от связей между ними. Трансформация затрагивает себя и проводится только для себя, все социальные проблемы откладываются на задний план –

на первом месте «технологическая самотрансформация» (More 1993). В то время как материальные предпосылки в виде технологических достижений считаются важным аспектом трансгуманизации, материальные аспекты социальных структур обычно не принимаются во внимание» [68].

Марксизм – это тоже учение о цели и конце истории, но не человеческой, а дочеловеческой, точнее, не вполне ещё человеческой. В этом заключается разница между ним и трансгуманизмом. В марксизме человек вначале должен стать вполне человеком, искажения (но и развёртывание!) природы которого имеют социальный характер. *Человеком его сделает лишь подлинно человеческая социальная организация.* В трансгуманизме наличный человек должен быть преодолен технически и научно, но это только формальное преодоление, которое, напротив, грозит закрепить его существующее исторически обусловленное уродство. Так, другой приверженец марксизма замечает: «Киборгизация ведёт к специализации. <...> при киборгизации человек оказывается или привязан к определённой функции, т.е. поставлен в ситуацию максимума отчуждения. Или же он получает излишние способности, которые не имеет смысла использовать. Если получив стальные руки и мозг, человек останется на Земле делать ту же работу, что и ранее, то возникает вопрос – а зачем это всё было нужно? В мире, который построен для Человека, нет смысла уходить в «сверхчеловеческое» состояние. В обществе, построенном на основе гуманизма «обычного», идеи трансгуманизма выглядят совершенно бессмысленно. Поэтому надо понять, трансгуманизм – это ещё одна попытка решить проблемы современного общества, не посягая на его основы, оставляя без изменения его иерархическую систему и потребительское отношение к человеку» [70].

С марксистской точки зрения в трансгуманизме задача достижения подлинно человеческого социального устройства подменяется манипуляцией во вполне «империалистическом» и «националистическом» духе: «Человечество должно осознать своё предназначение, эту великую природную цель и предоставленную ему возможность и делать всё, чтобы занять лидирующее положение, не оказаться в рабстве у более высоких цивилизаций, а то и исчезнуть вообще. В этой гонке оно может надеяться только на себя. Единственное средство победы – это собственный научно-технический прогресс и знания окружающего нас мира» [13]. Такая «политическая программа» слишком явственно напоминает лозунги, под которыми империалисты гнали миллионы на смерть во время мировых войн, тем самым спасаясь от перспективы гражданской войны. Только теперь место отдельных наций занимает «человечество».

Иными словами, в марксистской перспективе трансгуманистический переход к постчеловечеству сразу от толком не решившего своих социаль-

ных проблем человечества выглядит не настоящим концом дочеловеческой истории, а её искусственным прерыванием, грандиозным абортom.

* * *

В обозримом будущем не идёт речи о воплощении самых смелых мечтаний трансгуманизма о нанотехнологиях, переносе сознания на электронные носители, новом теле, глобальном ИИ, фактическом бессмертии, изобилии и т.д. – т.е. всё том, что, воплотившись в короткий промежуток времени, действительно могло бы резко изменить облик общества, воздействуя на доселе такие сравнительно неподвижные константы человеческого существования, как ограниченность срока жизни или ограниченность телесных возможностей. Не идёт речи о том блестящем будущем, которое, описывает, к примеру, Эттингер: «В обществе Золотого Века каждый гражданин будет владеть огромной разумной машиной, которая будет черпать сырьё из земли, воздуха или воды и выдавать всё, что потребуется в любых количествах, будь это икра, золотые слитки, операции по удалению аппендицита, советы психиатра, картины импрессионистов, космические корабли или рулоны меховой туалетной бумаги пастельного цвета. Эта машина будет сама себя ремонтировать и даже постоянно улучшать, а также строить новые машины, похожие на себя, когда это потребуется, к примеру, из-за прибавления в семействе своего хозяина» [62, с. 198]. Речь идёт о сравнительно небольших улучшениях и подвижках, многие из которых описываются в терминах повышения степени контроля над человеческим поведением и увеличения специализации. Сами по себе эти улучшения и усовершенствования не могли бы стать причинами подозрительного отношения к идеям трансгуманизма. Однако техноутопическая сосредоточенность на картине великолепного будущего и озабоченность преимущественно трансформациями биологической природы человека заставляет подозревать, что в лице трансгуманизма мы имеем дело с сознательным отказом решать вопросы, касающиеся природы человека в настоящем. Его позицию можно сформулировать примерно так: «Мы не можем решить проблемы человечества социальными способами – но это скоро перестанет быть актуальным, ибо в силу технического прогресса не будет и самого человечества. Надо только быстрее проскочить этап перехода к постчеловечеству, а оно уже станет решать свои проблемы технически». Но такое уклонение от проблематики, вызванной собственно социальной природой человека, фактически делает трансгуманизм идеологией технической коррекции провалов текущей версии мегамшины (или, пользуясь марксистской терминологией, строя, основанного на эксплуатации и неравенстве).

Марксизм и христианство, указывая на болевые точки трансгуманизма, обличают его в том, что он есть в известном смысле тупиковая линия Просвещения, линия, на которой Просвещение отказывается от своих обязательств в полном объёме. Даже христианская критика трансгуманизма – это критика не только извне, но и изнутри Просвещения. Трансгуманизм, таким образом, олицетворяет собой линию «Просвещения *не для всех*», поскольку в нём сделан упор на тех, кто находится на острие прогресса разума, науки, технологий. Но прогресс разума, науки и технологий – не синоним прогресса человечества. Цель и смысл истории ни в христианской, ни в просвещенческой парадигме, взятой в полном объёме, не определяются этим прогрессом. Линия Просвещения, на которой находится трансгуманизм, потому и является урезанной и тупиковой, что не подразумевает наличия собственно человеческих целей.

Не имея своих собственно человеческих целей и смыслов, трансгуманизм становится вариантом мировоззрения, подходящим для мобилизации какой-то части интеллектуальных элит для достижения целей, которые, *в конечном счёте, определяются не ими*. Но тот, кто не имеет своих человеческих и социальных целей, тот рано или поздно будет работать на достижение чужих. Если тут уместны аналогии, то трансгуманизм – нечто вроде современного варианта футуризма. И футуристы когда-то начинали с того, что новая техника меняет человеческую психику, прославляли машину, индустриализацию, движение, прогресс, были всячески устремлены к будущему. Некоторые из них даже мечтали о человеке с заменяемыми механическими частями. В конечном же счёте, одни из футуристов примкнули к фашистам, а другие – к коммунистам: бронепоезд истории вытолкнул их с тупиковой ветки.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И НОВЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ ВЕК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Манойло А.В.

доктор политических наук,

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1)*

Сегодня уже ни у кого не осталось сомнений в том, что современное человечество переживает ключевой этап в своей эволюции. С биологической точки зрения темпы эволюции нашего вида не изменились: биологическая эволюция по-прежнему движется медленно, закрепляя новые каче-

ства путём естественного отбора в ходе многократной смены поколений. Особенно точно это проявляется в сфере человеческой психики: с точки зрения эволюционной психологии, психика человека с момента возникновения современного вида – человека разумного – существенным образом вообще не изменилась. То есть, она, конечно, меняется, но очень медленно. Мы так же, как и наши далекие предки, реагируем на внешние раздражители, на признаки опасности, точно так же на уровне подсознания и рефлексов включаем защитные реакции (часто просто минуя разум) и точно так же, как и первобытные люди, демонстрируем стихийные формы массового поведения («сбивание в стаи» или в толпу, панические реакции, которыми политические технологи научились довольно неплохо управлять) в ответ на опасность, напрямую угрожающую каждому – угрозу вирусных эпидемий типа свиного гриппа или Эболы, террористическую угрозу, экстремизм цветных революций. Психика современного человека в своих базовых, опорных реакциях, контролируемых подсознанием, остаётся неизменной и предсказуемой; многократно возросшая информационная нагрузка её не меняет, а лишь «расшатывает», делая распространённой такую симптоматику, как неврозы и иные формы проявления психической дисфункции.

Другое дело, что за последние 6–10 тысяч лет существенным образом изменились условия естественного отбора в человеческой среде: человек на планете Земля окончательно стал единственным доминирующим видом, всеядным хищником, оснащённым для своего выживания самым опасным инструментом, созданным природой, – разумом. Медицина научилась успешно бороться с болезнями и эпидемиями, бывшими ранее для человеческих сообществ самой большой опасностью; войны на истребление уступили место гибридным войнам за ресурсы (включая человеческий капитал), уничтожение или умышленная порча которых невыгодны, так как сказываются на их цене. Международные конфликты, в том числе конфликты вооружённые, оказались под контролем ООН и других международных организаций, поддерживающих международную безопасность и стабильность. Благодаря появлению новых инструментов производства высокоинтеллектуальных продуктов (например, информационным технологиям) и новым каналам коммуникации (таким, как Интернет, блоги, социальные сети, мессенджеры и т.д.) шанс для выживания и даже успеха получили даже слабые особи, не способные социализироваться в офлайне. Благодаря им появились новые «профессии», появление которых совсем ещё недавно никто даже не мог предположить: например, те же блоггеры.

Вместе с тем, несмотря на результаты информационной революции, оснастившей человечество мобильными гаджетами и коммуникаторами, человечество не стало при этом более здоровым: значительная часть че-

ловеческой активности из реальной сферы переместилась в сферу виртуальную, в которой общение в реальных сообществах заменило общение в социальных сетях, а различного рода виртуальные симулякры (виртуальные объекты, не имеющие аналогов в реальной жизни) стали элементами объективной реальности. У очень многих индивидуумов даже возникает проблема сопряжения реальности объективной и виртуальной. Для очень многих современных людей социальные сети очень быстро стали площадкой политической активности различных сил, в том числе деструктивных: социальные сети полюбили экстремисты, террористы, проповедники и сектанты самых разных мастей и организаторы цветных революций. В результате современный человек оказался в совершенно новой и незнакомой его виду (по эволюционному опыту) среде, в которой он вынужден продолжать свой эволюционный путь, несмотря ни на что.

В этой связи важно понимать, что человеческая психика, сталкиваясь с новой для неё средой – виртуальной, не может опираться на эволюционный опыт предыдущих поколений и вынуждена довольствоваться собственной эмпирикой, постигая природу взаимодействия в новой среде методом проб и ошибок. Это даётся непросто и стоит дорого: подсознание человека часто не может распознать чрезвычайно опасные риски и угрозы, связанные с глубоким погружением личности в виртуальную среду. Именно поэтому многие люди, вполне здравомыслящие и образованные, в виртуальной среде, в социальных сетях становятся легкой добычей вербовщиков террористических организаций и группировок, таких, как запрещённые в РФ «Исламское государство», «Аль-Кайда», «Братья-мусульмане» [38]. Социальные сообщества становятся «проводящей средой» для мягкой силы современных террористов и экстремистов [28]. В социальных сетях политтехнологи цветных революций формируют протестные сообщества, предназначенные для «наполнения» очередного майдана [47]. Высокая степень политизированности глобального интернет-сообщества и его национальных сегментов в полной мере позволяет им это сделать.

Привлекательность интернета, особенно таких его сегментов, как блогосфера и социальные сети, стремление молодёжи получить именно в виртуальных социальных сообществах первичный опыт политической социализации, позволяют продвигать миф об исключительной политической открытости и неангажированности интернета, беспрецедентном плюрализме мнений, существующих только в этой среде, труднодоступной для контроля национальных правительств и их силовых структур, идеи о том, что именно в пространстве Интернета формируется настоящее, полноценное гражданское общество, причём этот процесс идёт даже в тех странах, в которых в силу особенности их политических режимов (авторитарных,

тоталитарных, диктаторских и т.д.) это в принципе невозможно. Этот миф, казалось бы, подтверждает вполне очевидный и проверяемый факт: сегодня в России, и не только в ней одной, именно Интернет стал основной площадкой идеологической и агитационно-пропагандистской деятельности оппозиции. А раз так, то можно судить об Интернете как о пространстве «свободы», благоприятном для деятельности структур и институтов гражданского общества.

Приведённое выше утверждение – это действительно политический миф: пространство Интернет никоим образом не напоминает организованное социальное сообщество, с нормами и законами, регулирующими жизнь и деятельность людей. С точки зрения политической психологии, социальные сети, с их подверженностью технологиям манипулирования, вирусным реакциям, массовым паническим эффектам и стихийным всплескам эмоционально окрашенной активности (в том числе агрессивной), не что иное, как аналог виртуальной толпы или «человеческой стаи», поведение которой определяется не разумом, а первобытными инстинктами, рефлексам, общим эмоциональным состоянием, передаваемым с помощью механизма «эмоционального заражения». Социальные сообщества в виртуальной среде ведут себя как толпа, стихийно и, как правило, иррационально реагируя на внешние события, являющиеся для них внешними раздражителями; зарождаясь как «клубы по интересам», как группы для общения по определённому спектру вопросов, они по мере роста довольно часто полностью меняют свою повестку и становятся политизированными, поляризованными, демонстрируют часто непримиримую позицию по отношению к тем или иным мнениям или людям, их высказывающим. В их среде действует принцип толпы или стаи: «делай как я» или «как сказал лидер». При этом лидером этой группы может оказаться вполне себе тщедушный блоггер, абсолютно неприметный в реальной жизни, но при этом создавший себе в виртуальной среде ауру величия и всезнания. Между этим «вождём» и членами его «стаи», «племени» выстраивается система отношений, характерная для пещерного века.

В итоге пространство социальных сетей, в которое вместе с активностью наиболее продвинутой частью человечества переместилась и «дарвиновская» эволюция, становится для человеческой цивилизации откатом в прошлое, возвращением в пещерный век, с характерной именно для него родо-племенной коммуникацией и формой социальных отношений. Примеры такого рода социальных сообществ мы до недавнего времени могли наблюдать только в колониях общего режима, в которых социальные отношения довольно точно повторяют отношения, существовавшие при первобытно-общинном строе. Единственное отличие новых «первобытных со-

обществ» от прежних – только то, что в современных сообществах нового пещерного века каменные топоры и скребки заменили гаджеты (мобильные и не очень), позволяющие людям всё время поддерживать связь с виртуальной средой, с «матрицей». Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и электронной техники с точки зрения развития социальных отношений породило обратный эффект: развитие информационных технологий ведёт к архаизации социальных отношений, к регрессу социальных формаций, к возвращению к первобытным формам социальной организации и управления. С точки зрения биологической эволюции это новый откат в пещерный век, оснащённый гаджетами и информационными технологиями. Именно новый пещерный век и есть наиболее вероятное будущее постчеловечества, которому в этой связи есть над чем задуматься.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ЧЕЛОВЕК ПРЕОБРАЖЁННЫЙ ИЛИ АНТИЧЕЛОВЕК

Багдасарян В.Э.

*доктор исторических наук,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, 10А)*

Обычно категорию «постчеловечество» контекстуализируют с дискурсом постмодерна. В результате складывается ложная альтернатива – либо человек в его гуманистическом понимании – либо постчеловек как постмодернистская деструкция человека.

Постчеловечество – это то, что придёт после человечества. Модерн много говорил о развитии. Но на самого человека он смотрел как на нечто неизменное, эволюционно завершённое. Человек – венец эволюции, и на этом ставится точка. Но с чего это было взято? В мире всё изменяется, и человек, как и всё сущее, тоже преобразуется. Поэтому правильнее было бы говорить о двух полярных парадигмах постчеловечества, которые исторически сталкивались между собой.

В человеке есть несколько начал. Есть биологическое начало – плоть, есть социальное начало, выражаемое через логос, есть, наконец, духовное начало, выражаемое через дух. Весь вопрос о соотношении этих составляющих. У животных тоже фиксируется протосоциальная компонента, но она

существенно меньше, чем у человека. Вопрос в том, куда идёт человек? Какая компонента будет превалировать – биологическая или духовная? Поэтому проблема постчеловечества – это не обязательно вопрос о деструкции или деградации человеческой природы. Есть и другая версия постчеловечества как преобразённого, обожжённого человека.

Чтобы понять сущность постчеловеческой перспективы, необходимо первоначально ответить на вопрос, что есть такое сам человек. Несмотря на воспринимаемое сегодня как данность тождество человека и индивидуума, такая тождественность не всегда была очевидна. «Индивид» дословно в переводе с латинского означает «неделимый». Соответственно, «индивидуум» – это человек, обладающий только ему свойственными характеристиками, как внешнего, так и внутреннего характера. Однако для выражения родовых характеристик человеческого бытия, определения телеологических смыслов человека, его не достаточно. При существующей ориентированности оно может иметь даже деструктивные по отношению к человеку последствия.

РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: ОРИЕНТИР ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Для архаических сообществ индивидуального субъекта в его современном понимании не существовало. Он не был тождественен себе, а потому не воспринимался в качестве индивидуума (индивидуального субъекта). Главное в раскрытии природы человека было определение его тождества не с самим собой, а с неким надстоящим феноменом.

Для человека традиционного общества было характерно мышление аналогиями. Род или племя находили персонифицированное выражение через образ Первопредка, племенного прародителя. В мифологии восточных славян в таком качестве выступал Дажьбог. Наряду с этническим Первопредком, другим идентификационным праобразом выступал Первочеловек. Для традиции авраамических религий – это Адам. В достижении тождества с Первочеловеком состоял путь личностного спасения [52, с. 656, 657]. Христианство усилило традиционную антропологическую версию, вводя образ богочеловека. Богочеловек обозначал ещё более высокий уровень онтологического ориентира, нежели Первочеловек. Идея преобразования, недостаточно акцентированная в католицизме и фактически выхоленная в протестантизме, имела ключевое значение для раскрытия христианской антропологии. В богочеловеке плотское хотя и сохраняется, но достигает состояния абсолютной одухотворённости. Не случайно вопрос о природе Христа был центральным на первых Вселенских Соборах [30; 14, с. 136–148; 56].

Третья, наряду с телом и духом, составляющая человеческого бытия – разум действует амбивалентно. Он может быть подчинён как духовному, так плотскому в человеке. В первом случае происходит «обожение», во втором «расчеловечение» [51; 72, с. 43–73].

Сложилось два цивилизационно различных антропологических подхода. Восточная традиция связывает её с обожением, качественным преобразованием на пути движения к Абсолюту. В этой же парадигме выстраивалась православная антропология. Для западного подхода идея «обожения» не актуальна. Вместо императива «обожения» выдвигается императив индивидуализации.

То, что на современном Западе есть человек (= индивид) в домодерновой мысли определялось понятием «маска». От «маски, согласно Боэцию, произведен латинский термин «persona». Это некая «личина», временная, «взятая напрокат» форма. Глубинной – «образ и подобие божие» сущности человеческого бытия она не тождественна. «Маска» может быть заменена другой. Отсюда маскарад – карусель симулякров. Карнавал демонстрировал неустойчивость и симулятивность персон, неконстантность индивидуума. Глубинно раскрывалась идея брэнности материального мира. Но именно карнавальным персонифицированный подход приобретает с переходом к Новому времени значение онтологической нормы. Не случайно первоначально распространение в просветительской среде получило уподобление мира глобальному театру. Человек же определялся как актёр, исполняющий различные роли [8; 19; 20; 23; 40; 41; 61].

Таким образом, традиционное общество тоже оперировало категорией постчеловека. Терминология была иной, но суть проблемы это не меняло. Человек мог быть чем угодно, но он не был индивидуумом. Постчеловек – это нечто, что должно превзойти человека. Выдвигался ориентир – сфера ангелов, нематериальное, неплотское существование. Так, Василий Великий заявлял: человек – это животное, призванное стать Богом [33]. Ориентир был задан именно в направлении обожения. Идея постчеловечества повышала в этом смысле духовные потенциалы человека. Неслучайно, что человеку давалось два имени – языческое при рождении и христианское при крещении.

В христианской семиосфере есть первый человек – Адам, и путь к нему – восстановление эдемического состояния, и есть новый человек – Иисус, который и выражал ориентир преображения человечества. Если мы посмотрим по другим культурам, то эти образы двух человек тоже обнаруживаются с высокой степенью устойчивости. Идея постчеловека, таким образом, имела для традиционного общества принципиальное значение.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭПОХИ МОДЕРНА: ЧЕЛОВЕК КАК ИНДИВИДУУМ

Что привнёс модерн? Модерн вывел из дискурса категорию неба, вычеркнул из человеческой природы ипостась духа. Модернистский человек – это индивидуум, нечто неделимое. Соответственно, чтобы быть человеком, надо быть самим собой, надо индивидуализироваться, идти по пути самовыражения. И этот новый заданный ориентир предопределяет далее постмодернистскую трансформацию.

Посмотрим на определения, которые давались человеку в эпоху модерна. Человек – это уже не то, что должно придти, человек – уже не потенциальный ангел. Барух Спиноза активно использует аристотелевскую формулировку: человек – это политическое животное. Для Б. Франклина человек – это животное, которое производит орудия труда. А. Камю доводит эту линию до абсурда: человек – это религиозное животное. Для всего модернистского дискурса «животное» выступает как родовое в трактовке человеческой природы. Вместо вектора обожения в традиционном обществе, модерн задал вектор оживотнивания человека [93].

Собственные антропологические модели были представлены в рамках всех основных, претендующих на мировое значение, идеологий. В результате известных исторических коллизий двадцатого столетия как нечто само собой разумеющееся была принята либеральная антропологическая модель. Человек в либерализме – это именно то, чем он никогда не являлся для традиционно-религиозной антропологии – индивидуум. Развитие человеческих качеств означает в либеральной парадигме индивидуализацию. Лишая его имманентной природной социальности, либеральная идеология сводила человеческое бытие к биологическому уровню существования. Отсюда прямой шаг к диктатуре потребительской морали. Если человек – это индивидуум, а индивидуум – это несоциальное и, следовательно, животное существо, то императивом данного существа должно являться максимальное удовлетворение своих биофизических потребностей [43; 78].

Прямо о биологизаторской парадигме либерализма, естественно, не говорится, но сущностно это следует из всей логики провозглашаемых ценностей. В современном мире именно либеральный взгляд на природу человека утвердился на уровне повседневного сознания. Сегодня он приобрёл значение антропологического универсалия.

Нуждается в соответствующем пересмотре распространённый стереотип о связи либерализма с категорией прогресса. Эволюция человечества шла в направлении его социализации, т.е. ценностей явно не из либерального арсенала. Напротив, асоциализируя человека, либерализм, по сути, выдвигает концепт инволюции, ориентир, противоположный вектору гло-

бального человеческого прогресса. Характерно в этом отношении признание одного из классиков либеральной теории Х. Арендт, считающейся основоположницей критики тоталитаризма. Согласно ей, понятие «человек» исключает использование понятия «прогресса» [5; 6, с. 131–141].

АНТРОПОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: ДЕСТРУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Постмодерн направил развитие антропологии в прямо противоположном направлении дробления и релятивизации человеческой природы. Звучавшая в своё время как эпатаж фраза Протагора «человек – мера всех вещей» становится главной постмодернистской интенцией. Вместо характерной для периода модерна антропологии индивидуума (неделимый, самодостаточный) в качестве основного антропологического объекта постмодерна утверждается дивидуум (делимый). Каждый конкретный человек может быть «много кем». Продуцируемые через интернет виртуальные миры создают у него иллюзию множества идентичностей [24].

Другим направлением деструкции личности явилась переакцентировка антропологии на проблему реконструкции генома человека. Продолжающийся до настоящего времени соответствующий глобальный международный проект стартовал в 1990 г. В реализующий проект международный консорциум вошли под предводительством США генетики наиболее геополитически значимых государств современного мира – Китая, Великобритании, Германии, Франции, Японии. Однако экстраполяция научных открытий на сферы небиологических форм жизни приводил в философской антропологии к подмене индивидуума геномом.

Если человек есть дивидуум, а соответственно разлагаем на составные элементы кода, то его природой можно комбинировать, разбирать и собирать заново. Клонирование человека при таком подходе – лишь дело времени. Сколько времени пройдёт до того момента, как компьютеры будут внедрены в наш мозг и будут восприниматься нами как дополнительное полушарие? Может быть, 10 лет, может, 50 или 60, но этот момент обязательно настанет. Безусловно, биотехнологии будут только прогрессировать. Применение их в целях совершенствования биологической природы человека – явление неизбежное. Однако в том-то и дело, что должны они быть адресованы именно к биоуровню человеческого бытия, но не переноситься на социальное и духовное измерения жизни человека. В этом переносе опять-таки проявляется одномерно биологическая парадигма современной антропологии. Перспектива появления «чудовища Франкенштейна» приобретает вполне реальные очертания.

АНТИЧЕЛОВЕК

Три образа человека определяют содержание эволюционного мега-исторического развития: 1. человек биологический; 2. человек категориальный; 3. античеловек. Идеал категориального человека основывается на представлении о солидаризационной версии развития. Развитие человечества осуществляется, согласно ей, за счёт милосердия, альтруизма, всего того, чего нет в животном мире, и что интегрально объединяется понятием нравственность. Образ античеловека, напротив, выстраивается на подавлении этих качеств. Ницшеанский императив – «падающего подтолкни». Эта версия эволюции состоит в том, что лучшие побеждают, а то и истребляют, худших. Неандертальцы истребляют древнейших питекантропов, кроманьонцы уничтожают неандертальцев. Таким же образом, и постчеловек должен истребить человека.

Посмотрим далее, как акторы классической триады «личность – общество – государство», развёртываются в рамках двух альтернативных проектов развития человечества.

Личность. Для социализированной модели человек есть социальное существо. Как перспектива следующей стадии движения в данном направлении, человек – существо духовное. Для либеральной модели человек – это индивидуум. И далее, в перспективе, человек – зверь.

Общество. В социализированной модели общественные интересы преобладают над частными. Ценностные ориентиры – коллективизм, социальный патернализм. Двигаясь далее в направлении социализации, видим перспективу солидаризированного общества, утверждения ценностной парадигмы альтруизма. Идём теперь в развёртке либеральной логики: частные интересы преобладают над общими, базовая ценность – индивидуализм, конкуренция. Отсюда следующий уже этап в развитии этой логики – диктатура меньшинства, власть сильных, неравенство, в том числе и неравенство антропологическое.

Государство. Для социализированной модели развития государство – это социальная оболочка. Перспектива эволюции в данном направлении – нравственное государство. Либерализм задаёт принципиально иную логику – освобождение индивидуума от государства. А далее – власть избранных, государство-корпорация.

По сути дела, сформировались два альтернативных взгляда на исторический процесс: история как социализация и история как индивидуализация. Отсюда же две версии социальной эволюции. Первая версия: социальная эволюция как социализация человечества. Идеал будущего – всечеловеческое братство. Вторая версия: социальная эволюция как борьба

ба за существование. Исходя из неё, бытие человека мыслится как глобальная конкуренция, в которой есть успешные и неуспешные. Сильные в конкурентной борьбе побеждают слабых. Но следуем в этой логической развёртке далее: глобальная война, закрепление власти сильнейших, превосходство, присвоение неравенства. По сути дела, заявляя об эволюции и прогрессе, либерализм и вытекающий из него фашизм приходят в итоге к контрэволюции – отрицанию самой перспективы нравственного человеческого развития. Вызов, таким образом, предъявляется самому эволюционному процессу.

Таким образом, сталкиваются две перспективы постчеловечества. Постчеловек постмодерна – это человек деструктурированный, разлагающийся как личность, лишённый духовной компоненты человеческой природы. Постчеловек преобразования – одухотворённый человек, гармонически развитая личность, связанная духовными узами с другими людьми.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТЧЕЛОВЕКА КАК «УНИВЕРСАЛЬНОГО СОЛДАТА» АРМИЙ XXI ВЕКА

И.В. Радиков,

доктор политических наук,

Санкт-Петербургский государственный университет

(Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7–9.)

Доминантной тенденцией военной мысли начала XXI в. становится понимание изменяющихся характера, содержания и самой сущности войны. Эта теоретическая ориентация присуща не только академическим дискуссиям, она находит своё отражение в практике подготовки и применения ведущих армий мира. Традиционные представления о войне как вооружённом конфликте, в котором используются организованные военные силы и который от начала до окончания вражды подчинён определённым правилам [100], утрачивают свою актуальность в силу трансформации форм использования военной силы, роста многообразия вооружённых столкновений. Кардинальные изменения парадигмы ведения военных действий объективно вынуждают искать новые способы обеспечения интегрированной живучести солдата XXI в.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОВРЕМЕННОМУ ПОНИМАНИЮ ХАРАКТЕРА И СУЩНОСТИ ВОЙНЫ

Изменения в сфере обеспечения военной безопасности актуализировали в 1990-е гг. внимание к проблеме современной войны как продолжению политики насильственными средствами. Подчеркнём здесь чрезвычайно важную мысль: война определяет нашу жизнь не только тогда, когда «разгорается», но и тогда, когда «спит»: в ходе подготовки к её ведению или в деятельности по её предотвращению. Исследованию войны сегодня уделяется большое внимание как зарубежных (Р. Смит, Ф.Г. Хоффман, Д. Килкаллен, Дж. Дер-Дериан, Э. Симпсон, М. Калдор), так и отечественных (А.И. Подберёзкин, А.А. Бартош), учёных. Однако единого понимания сущности и содержания современной войны в мировом сообществе не выработалось, нет его и в России. Практически во всех российских исследованиях война рассматривается как средство политики, процесс, состояние общества. Для сторонников классического подхода определяющим признаком войны остаётся военное насилие, основанное на применении оружия с целью подавления противника, подчинения его своей воле. Оппоненты этому подходу настаивают, что применение вооружённого насилия не всегда является определяющим признаком военного столкновения между государствами.

В начале XXI в. обнаруживается ряд принципиально новых подходов к современному характеру и сущности войны. Об этих новациях свидетельствуют следующие характеристики:

– война сегодня не выражается в явном противостоянии, а противники напрямую не сражаются друг с другом и не взаимодействуют (концепция бесконтактной войны [9]), утрачены чёткие пространственные параметры вооружённой борьбы;

– достижение политических и других целей государства на международной арене может быть достигнуто только при комплексном, синергетическом применении всех составляющих национальной мощи. Вооружённые силы – лишь один из элементов системы обеспечения военной безопасности;

– основные участники войны (правительство – армия – народ) в современных условиях, как правило, отделены друг от друга и имеют разные права и обязанности [37];

– государство утрачивает своё монопольное право на насилие. Это право на применение насилия явочным порядком взяли на себя некоторые негосударственные организации и группировки. На многих театрах боевых действий воюющими сторонами являются гражданские лица, взявшие за оружие, всё шире используются частные армии. Следствием этого является снижение порога политической значимости конфликтов с уровня государ-

ства до уровня организаций, групп и даже частных лиц. Это нелегитимное расширение субъектов военного насилия ведёт к новому типу войн;

– характер конфликта не определяется природой его участников: государство сегодня может использовать тактику иррегулярной вооружённой борьбы, а террористические группы часто применяют передовые военные технологии и даже ОМУ;

– конфликты, считающиеся локальными, в современных условиях поглощают не меньше ресурсов, а, следовательно, являются не менее определяющими при военном планировании, чем краткосрочные войны;

– происходит стирание границ между классическими категориями войны. Этот процесс достигает своей кульминации в размывании самих понятий войны и мира. Исчезают границы между исключением (каковым является война) и нормой (которой в нормальном случае является мир): можно быть в войне, не воюя явно [49].

Изменяющиеся характеристики форм и способов ведения войны часто выдаются за фундаментальное изменение природы войны. Сегодня нередко отклоняются идеи Клаузевица о природе войны как устаревшие, иррелевантные [37]. Так, Аллен де Бенуа делает вывод, что формула Клаузевица о войне как продолжении политики другими средствами ставится с ног на голову. Он считает, что война становится «разрушением политики другими средствами» [2, с. 56]. Такая радикальная оценка изменившейся природы войны не кажется убедительной.

Действительно, природа современной войны часто концептуализируется в контексте подхода К. Клаузевица, характеризовавшего войну как «подлинного хамелеона». Поясняя эту метафору, он выделял три элемента войны («война суть странная троица»): насилие – как первоначальный её элемент, творчество стратегов и рациональность политиков, принимающих решения. Формы каждого из этих элементов под воздействием социальных изменений, трансформации политических отношений, технологического прогресса меняются. По утверждению Клаузевица, взаимозависимость первоначального насилия, стратегической изобретательности и политической рациональности является фактором, вызывающим наиболее глубокие и значительные изменения в формах, которые принимает война [32]. Добавим здесь к «троице» Клаузевица, что самым очевидным всё же является технологический аспект эволюции форм и способов ведения войны. Только в XX в. средства и способы ведения войны переходили в новый формат, как минимум, пять раз, видоизменяя характер вооружённой борьбы и предъявляя всё более сложные требования к качеству человеческого материала. При этом война сама по себе оказывалась связанной не с частными социально-историческими характеристиками обществ, она имела субстанцио-

нальный характер. Война и сегодня не изменила ядра своего внутреннего содержания: она была, есть и будет борьбой за смену и перераспределение социальных ролей в ходе развития общества. Признаём, однако, что К. Клаузевиц сузил сущность войны тем, что не включил в неё используемые в ней невоенные формы борьбы.

Итак, характер современных войн определяется военно-политическими целями, средствами достижения этих целей, масштабами военных действий. Существенное влияние на него оказывают военные, военно-экономические и морально-психологические потенциалы государства, а также социальные, экологические и физико-географические условия. Сущность и содержание войны сегодня изменяется за счёт, во-первых, более полного использования глобальных политических, социальных, экономических, культурологических, этнических и религиозных факторов; во-вторых, использования принципиально новых и более разнообразных видов оружия; в-третьих, в связи с более полным включением в неё окружающей и природной среды. Современная война претерпевает качественные трансформации в формах и методах её ведения, изменяются и её цели.

Если прежде войны велись для захвата территориальных, людских, энергетических, сырьевых и иных ресурсов других стран и народов, то сегодня целью войны становится полная аннигиляция политической власти, национальной идеи, государственности противника. Поскольку реальной задачей войны (как «расширенной» дуэли), по-прежнему является *подчинение* противника вражеской воле, то сделать это возможно и «путём уничтожения достаточного количество мозгов, или правильных мозгов, в этом случае «воля» обязательно умрёт вместе с организмом» [104].

НОВЫЙ ТИП ВОЙН

Современная война характеризуется качественным расширением возможного пространства конфликта. Сегодня война ведётся на гораздо более качественном уровне, затрагивающем, помимо вооружённых сил и дипломатических каналов, информационную, социально-культурную, мировоззренческую, технологическую сферы, а также науку, психологию и внутренний мир человека – область духа и души. Роль непосредственного использования военной силы постепенно вырождается в служебную, ориентированную в первую очередь на поддержку масштабных «несиловых» операций.

Сложность, динамичность, ритмичность, запутанность и многоакторность современной войны позволяют заявить о появлении нового типа войн. В концепции «новых войн», выдвинутой британской исследователь-

ницей М. Калдор, фиксируется, что глобализация становится основой противоречивого характера возникающих конфликтов. Ядром этих конфликтов оказываются цели, связанные не столько с территориальными спорами или идеологическими разногласиями, сколько с политическими и символическими притязаниями, проблемами идентичности. Отсюда главным становится не овладение территорией, а политический контроль над ней и её населением. В этих конфликтах расширяется круг участвующих лиц – это и военизированные группы, и бандформирования, и полицейские силы, и наёмники [99].

Наиболее распространёнными понятиями, характеризующими современные войны, являются понятия асимметричности и иррегулярности. Асимметричность действий означает, что одна из сторон конфликта «обходит или подрывает преимущества другой, используя институциональные слабости при помощи методов, которые значительно отличаются от ожидаемых. Главной целью становится нанесение решающего психологического удара, подавляющего волю, способность к инициативе или свободу действий противника. [17, с. 5–28]. Для асимметричной войны характерны нетрадиционные тактики военных действий, включая информационную войну, прокси-войны, использование неофициальных участников, провокаторов, «пятой колонны» и т.п. Если стратегия сильного направлена на то, чтобы уничтожить или ограничить в действиях слабого, то слабый стремится затянуть противостояние, нанести противнику урон в сфере морали или общественного мнения, деморализовать его, сделать продолжение конфликта невыносимым [17, с. 16].

Термином «иррегулярная война» обозначают «вооружённую борьбу между государственными и негосударственными акторами за легитимизацию и влияние на соответствующее население» [17, с. 13]. Спецификой такой войны является использование как непрямых и асимметричных подходов, так и применение полного диапазона военных и других ресурсов с целью подорвать мощь, влияние и возможности противника.

С 2010 г. в публичном дискурсе часто используется термин «гибридная война». Из множества подходов к описанию её сущности: М. ван Кревельда, рассуждающего об участниках этой войны, «сплочённых фанатизмом и идеологией» [37], Ф. Хоффмана, анализирующего различные режимы ведения войны, включая стандартное вооружение, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты и криминальный беспорядок, применяемые средства, не ограниченные этическими, моральными, правовыми или религиозными нормами [84], конструктивистского теоретического анализа [96], можно заключить, что «гибридная война» есть конфликт между политическими объединениями по поводу символов (гипотез, язы-

ка, идентичности, интересов и т.п.), по своему внутреннему существу «она состоит из социальных конструктов, верований, убеждений, – т.е. из того, что сложнее всего поддается примирению» [17, с. 19]. Такая война втягивает в свою орбиту всё население, заполняет собой всё информационное пространство, пренебрегая всеми нормами морали и нравственности.

Появление новых типов войн не исключает сохранения вероятности возникновения контактных войн с применением обычного оружия и бесконтактных с применением высокоточных средств поражения. Виды возможных симметричных контактных войн с участием различных стран, по оценке В. Слипченко, будут разнообразными, от мелкомасштабных вооружённых конфликтов до войн регионального масштаба [66]. Сохранятся и внутригосударственные войны, и вооружённые конфликты, на базе обострения социальных противоречий в обществе возможны и гражданские войны. Все они будут вестись как контактными, так и бесконтактным способом и независимо от их масштаба неизбежно будут связаны с большими потерями войск (сил) и населения воюющих сторон.

СЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ХАРАКТЕРА ВОЙН

Во-первых, если в войнах первого поколения (первые три с половиной тысячи лет существования цивилизации) противоборство осуществлялось исключительно контактным способом, а исход его определялся количеством живой силы и физическими возможностями воинов вести борьбу врукопашную и холодным оружием, то во всех последующих поколениях войн способы контактного противоборства обуславливались, прежде всего, количеством и качеством вооружения и военной техники, их техническими характеристиками: дальностью, скорострельностью и точностью и профессиональным уровнем военного мастерства военнослужащих. В войнах шестого поколения – так называемых «бесконтактных войнах», массированные удары могут наноситься высокоточным оружием без боевых контактов, ведения боевых действий на суше.

Во-вторых, с изменением средств вооружённой борьбы и способов ведения боевых действий, усложнением боевой техники, увеличением веса боевого снаряжения, существенным ростом объёма информации и ограниченности времени для её осмысления значительно возросли требования к военнослужащему – его уровню военно-профессиональной компетентности, физическим и интеллектуальным возможностям. Приведём только два примера, подтверждающих этот вывод.

Если до XVIII в. солдаты носили на теле около 15 кг снаряжения, а большую его часть везли в обозах, то после XVIII в. в силу резкого воз-

растания требований к мобильности, вес боевого снаряжения воина стал стремительно возрастать [55]. Тяжесть всего носимого пехотным солдатом русских солдат уже в период Крымской (Восточной) войны доходила до 77 фунтов, а с учетом веса тесака и шанцевого инструмента до 87 фунтов [11]. Проведённые в середине XIX в., после Крымской войны, англичанами, а вслед за ними и немцами, первые исследования физической нагрузки на военнослужащих выработали рекомендацию, что нагрузка на солдат не должна превышать 21–22 кг. С такой нагрузкой солдат был способен в холодное время пройти 24 км за сутки [55].

Для сравнения скажем, что носимое советскими военнослужащими в Афганистане снаряжение достигало веса 40–60 килограммов, что существенно сковывало их действия [89].

Боевая практика показывает, что современный солдат не может действовать эффективно, если вес его боевого снаряжения будет более 12 кг, а в особых условиях (горы, джунгли, зима, дождь) – не более 8–9 кг [73]. Превышение этой нагрузки неминуемо ведёт к резкому снижению потенциальной скорости темпов наступления, передвижения военнослужащего, притуплению его внимания и быстрой утомляемости.

Новые требования к физическим возможностям человека сегодня предъявляет военная техника. Особенно возросли уровни пилотажных нагрузок на лётчика, от его организма сегодня требуются адаптационные возможности, выходящие далеко за пределы физиологических параметров.

Боевые самолеты 4-го поколения (1975–2010 гг.) предполагают динамические перегрузки до 9 единиц с длительностью воздействия 20–30 секунд. Такие перегрузки лётчик может переносить, но не более 1–5 секунд [42]. Технические характеристики летательных аппаратов 5 поколения ещё более существенно выросли, в то время как психофизиологические характеристики человека остались практически на том же уровне. Для понимания запредельности нагрузок приведём некоторые показатели. При взлете обычного авиалайнера пассажиры в салоне испытывают перегрузку в 1,5 G. По международным нормам предельно допустимое значение перегрузок для гражданских самолетов составляет 2,5 G. Если она достигает 5 G, то неподготовленный человек может потерять сознание [71].

В-третьих, изменяющийся характер современных войн требует запредельного психического напряжения и выдвигает особые требования к морально-психологической подготовке военнослужащего.

В-четвёртых, усложнившийся характер современной войны, многократно возросшие опасности, угрозы и риски для субъектов военных действий, пределы их физических и интеллектуальных возможностей, применение в вооруженной борьбе принципиально новых информаци-

онных технологий, расширение возможностей воздействия современных средств поражения не только на вооружённые силы, другие войска и военные объекты, но и на мирное население, свидетельствуют о кардинальных изменениях самой парадигмы ведения военных действий и объективно вынуждают искать новые способы обеспечения интегрированной живучести солдата XXI в. Основной тенденцией первой четверти XXI столетия, направленной на минимизацию потерь в живой силе, становится переход от прежнего принципа «солдат стреляющий» к принципу «солдат управляющий».

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЛДАТА XXI В.

Во многих странах, обладающих крупными армиями, уже достаточно длительное время ведутся теоретические разработки, имеющие целью превратить военнослужащего из обычного бойца в многофункционального суперсолдата, способного переносить запредельные физические нагрузки, оперативно понимать обстановку, принимать адекватные ей, упреждающие противника, решения и, не колеблясь, действовать в целях их незамедлительного исполнения.

Основными направлениями исследований являются дистанционное компьютерное обнаружение и опознавание целей, обеспечение оперативного управления и связи, целеуказания, оценки местоположения солдата и привязки к местности, а также медицинский контроль функционального состояния военнослужащих. По некоторым данным, более 60 % всех военных закупок в армиях стран НАТО направляется в последние годы на индивидуальную защиту тех, кто непосредственно принимает участие в боевых действиях [90].

Наиболее известным проектом создания новых перспективных образцов вооружения и военной техники, способных удовлетворить требованиям, выдвинутой концепцией сетецентрической войны, стала американская государственная целевая программа Future Combat System, реализуемая с середины 90-х гг. XX в. В её рамках важнейшее место занимает программа Future Force Warrior, включающая серию НИОКР по проектированию и разработке боевых комплектов «солдат будущего» как составной части автоматизированной боевой системы подразделения, части, соединения. Предполагается обеспечение солдата всеми необходимыми для эффективного ведения боя средствами разведки, управления, поражения, защиты и жизнеобеспечения, интегрированными в единый боевой информационно-технический комплекс. Это делает его практически автономной боевой единицей, включённой в единую командную сеть [17, с. 64].

В этой связи известны разработки экипировки и вооружения Института солдатских нанотехнологий на базе Массачусетского технологического института. Созданный боевой жилет, названный исследователями «динамическая броня» толщиной всего несколько миллиметров облегает солдата, словно водолазный костюм. Внедрённые в его тонкий слой сложные молекулярные компоненты делают его одновременно и бронежилетом, и универсальным медицинским диагностическим инструментом, и экзоскелетом. Встроенные в костюм датчики постоянно измеряют все жизненно важные параметры солдата (пульс, кровяное давление, активность головного мозга, температуру и т.п.) и выводят данные на проектор в шлеме и на медицинский компьютер, который, независимо от солдата, мгновенно принимает решения о трансформировании костюма в экзоскелет либо броню. По сигналу компьютера, полимерные актюаторы (исполнительные устройства), из которых состоит костюм, делают его определённые участки жёстче или мягче. Например, при переломе ноги, экзоскелет позволит захватить её в искусственные шины, сформированные тканью костюма [63].

В российской армии прошлого века такой боевой экипировки фактически не было и лишь в последнее десятилетия предприняты решительные меры по оснащению военнослужащих широкой номенклатурой экипировки и снаряжения. Министерство Обороны РФ в рамках Федеральной целевой программы «Боец-XXI», с учётом имеющегося опыта по разработке боевых комплектов индивидуальной экипировки «Бармица» и «Пермячка», начало поставлять в войска принципиально новый её вид – «Ратник». В состав комплекта входит навигатор системы «ГЛОНАСС», усовершенствованная электронная аппаратура, обеспечивающая передачу информации как голосом, так и в цифровом формате, и отображение тактической обстановки на нарукавном или нашлемном дисплее. На вооружение в Российскую армию также поступил носимый комплекс разведки, управления и связи, являющийся элементом автоматизированных средств управления командиров тактического звена и включающий в себя многофункциональный информационный комплекс, персональный компьютер командира, ротный радиомодем, универсальный транспортный жилет. Унифицированная носимая аппаратура позволяет передавать сообщения о ранении военнослужащего, обеспечивает информационный обмен с вышестоящими звеньями управления и подчинёнными подразделениями [69].

В целях снижения избыточной нагрузки на солдата в последние годы стал использоваться антропоморфный гидравлический экзоскелет. Это устройство дублирует опорно-двигательный аппарат человека и существенно расширяет его физические возможности. Его разработчик – компания Lockheed Martin, называет эту модель «универсальным солдатом» – HULC

(Human Universal Load Carrier). Одна из таких моделей оснащена механической «рукой», способной поворачиваться и использоваться для подвески оружия. С её помощью даже один боец легко управляет, например, 12,7-мм пулеметом, вес которого не менее 25 кг. Устройство позволяет поднимать грузы, вес которых достигает 70 килограммов, в течение 8 часов переносить по пересечённой местности до 90 килограмм. В час такой «универсальный солдат» способен проходить в среднем до 4,8 км и даже совершать марш-бросок, разгоняясь до 18 км/час. Заметим, что адаптация солдата в экзоскелете идёт около 90 минут [14].

Первый в России подобный проект получил название ExoAthlet. Основой его являются инновационные разработки российских учёных в области расширения физических возможностей человека. Действующий образец экзоскелета Exoathlet P-1 пассивной модификации, адаптированный для переноски штурмового щита спецназа, был продемонстрирован на 6-м Международном салоне комплексной безопасности в 2013 г. [91].

Для минимизации потерь в живой силе во многих странах разрабатываются сегодня боевые машины-роботы. Эти роботы способны вести контактный бой с противником, они управляются дистанционно, что гарантирует минимальные потери. Так, например, по некоторым сообщениям, ещё в 2006 г. в Южной Корее был создан «робот-часовой», предназначенный для охраны границ с Северной Кореей [12]. Мобильный робототехнический комплекс для охраны мест базирования стратегических баллистических ядерных ракет, способный самостоятельно открывать огонь по целям, создан и в России. Эта управляемая по радиоканалу на расстоянии до 5 км безэкипажная боевая единица повышенной проходимости может выполнять задачи по обнаружению и уничтожению стационарных и подвижных целей, огневой поддержки и войсковой разведки [60]. Заметим здесь, что аналогичная система, созданная в США, и известная как SWORDS, в ходе испытаний в Ираке, не могла идентифицировать цели и неоднократно обстреливала своих. В настоящее время большинство электромеханических, пневматических, гидравлических или комбинированных боевых роботов управляются операторами, и лишь некоторые из них могут выполнять некоторые задачи автономно.

Один из применяемых сегодня способов превращения обычного бойца в суперсолдата, способного переносить запредельные физические нагрузки, подавлять в себе естественное чувство страха – применение стимулирующих препаратов. От умения управлять закономерно возникающей реакцией на воображаемую или реальную опасность, порождающей чувство страха, зависит боевая эффективность солдата, прежде всего точность огневого поражения. Исследователи указывают, что из-за страха эффективность огня в бою просто ничтожна. Если в Первую мировую войну на по-

ражение одного солдата противника расходовалось 2,5–5 тыс. патронов, то во Вторую мировую войну-уже 10 тыс., а в локальных военных конфликтах XX столетия – 50 тыс. [27, с. 43].

Во время Второй мировой войны американские войска потеряли 504 тыс. человек в результате психических расстройств на поле боя. Этого количества военнослужащих вполне достаточно для формирования 50 дивизий. В арабо-израильской войне 1973 г. почти одна треть потерь израильтян была вызвана психологическими причинами. Во время войны во Вьетнаме психогенные потери составили уже 30 % от числа участников боевых действий [29].

В ряду средств подавления этого страха – специально разработанные психостимуляторы. Уже во время Второй мировой войны для улучшения работоспособности и выносливости солдат в действующих армиях использовались амфетамин и метамфетамин. В настоящее время для снятия усталости и стресса взамен этих наркотических средств применяются и иные средства, например, технология стимулирования мозговых полушарий посредством электромагнитных импульсов. Однако фармакологические стимуляторы по-прежнему находятся в арсенале современного военнослужащего. Страх преодолевается при помощи анксиолитиков, которые способствуют повышению активности мозга, и актопротекторов, увеличивающих силы солдата. Заметим здесь, что применение этих средств из-за индивидуальной восприимчивости может повлечь за собой и иные последствия: вызвать заторможенность, галлюцинации и психозы, неадекватность поведения военнослужащего, повысить его агрессивность и жестокость. Опыт армии США показывает, что применение психотропных препаратов способствует росту самоубийств. Даже по официальным данным, каждый шестой военнослужащий США принимает хотя бы один психотропный препарат. С 2005 по 2011 гг. в Министерстве обороны США количество рецептов на психиатрические препараты выросло почти в 7 раз. Увеличение их числа шло в 30 раз быстрее, чем в гражданском секторе [45].

В настоящее время разрабатываются психостимуляторы неамфетаминного ряда. Известна, например, инициатива министерства обороны Великобритании по созданию консорциума Haldane Spearman для создания средств повышения выносливости. Разработанный здесь препарат провигил (модафинил) позволяет обходиться бойцу – «зомби» без сна в течение нескольких дней без снижения умственных и физических способностей.

* * *

1. Невзирая на то, что современные, «новые» войны в пропагандистских целях пытаются представить как «войну без потерь», как «безопас-

ную» войну, бесконтактную вооружённую борьбу новейшими военными технологиями и высокоточным оружием шестого поколения, исключая поражение мирного населения, война остаётся одной из основных глобальных проблем современности.

2. Два последних десятилетия подтвердили основной тренд в использовании военной силы для достижения политических результатов: нанесение ударов по противнику, его военным объектам без боевых контактов, без ведения военных действий на суше, что выражено в термине «бесконтактная война».

3. Идея полного вытеснения солдата с поля боя и замены его роботами-автоматами в настоящее время представляется фантастичной и мало достижимой. Исход войны, эффективность применяемых средств по-прежнему зависит от человека.

4. Изменения в экипировке и вооружении за прошедшие два-три десятилетия привели к тому, что солдат XXI в. превращается в боевую систему – «солдата управляющего». Стремительное развитие робототехники и нейропротезирования позволило современным государствам уже сегодня перейти к практике соединения человека и различных механических приспособлений, благодаря чему у современных воинов появляются сверхспособности.

5. Дальнейшее внедрение искусственных элементов с заданными параметрами в человеческий организм создаёт условия для постепенного превращения человека в киборга или аватара. Такой постчеловек может оказаться созданием, полностью основанном на искусственном интеллекте или результатом множественных изменений и улучшений его биотехнологии.

ПОСТДЕМОКРАТИЯ КАК ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Федорченко С.Н.

*кандидат политических наук,
Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, 10А)*

На развитие политической науки оказывает серьёзное воздействие процесс трансформации самого феномена политики, изменение коммуникационных кодов и механизмов, прaxeиса взаимоотношений и экономической роли субъектов и объектов в обществе. В этих ус-

ловиях необходимо серьёзное переосмысление тех аспектов, которые привыкли идентифицировать и исследовать представители современного политологического сообщества. «Перезагрузка» политической интерпретации в академической среде назрела по причине глубинных подвижек в научно-техническом прогрессе, оказывающем мощное давление на экономические отношения, возникновение новых политических акторов и сетевых форм политической коммуникации между ними. Знакомые политические явления приобретают новое содержание.

Появление признаков постмодерна в политической жизни хорошо охарактеризовал в своих работах британский автор П. Андерсон, писавший о смене потребительских настроений, деградации приватного пространства граждан и плебейзации политического дискурса [4, с. 104–141]. Другой британский исследователь К. Крауч в работе «Постдемократия» предлагает более конкретный список специфических черт постмодерна в политике, описывая феномен так называемой постдемократии. Согласно его гипотезе, постдемократия – новый политический режим, характеризующийся гиперпрофессионализацией политиков, снижением политической активности граждан, формированием электоральных машин на основе прежних партий, теперь уже крепче связанных с властными и деловыми элитами через их политтехнологов [36, с. 11–27].

Для того, чтобы ответить на гамлетовский вопрос политологии «быть или не быть демократии в современном мире?», необходимо задуматься о наиболее ярких проявлениях постдемократии: становлении постгосударства, эрозии прежних идеологий, маркетизации политической жизни и партий, примитивизации политического дискурса, распространении сетевых политических коммуникаций и зарождении альтернативных форм политического участия.

Во-первых, ядром подобных изменений, безусловно, является государство. Складывание так называемого постгосударства происходит в общем тренде постмодерна. В чём же источник такой метаморфозы? Властные элиты постепенно отходят от ранее распространённой парадигмы социального государства. Если раньше западные демократии при наличии такого активного внешнеполитического раздражителя, как Советский Союз, были вынуждены прислушиваться к рабочему движению, расширять права трудящихся и поощрять развитие соответствующих социальных программ во избежание роста популярности коммунистической идеологии среди граждан, то сейчас надобность в этом у властных элит отпала. Компромисс государства с активистами из рабочей среды стал не нужен и по причине фрагментации этого социального феномена. Закат кейнсианства также повлиял на экономическое значение масс.

Новое постгосударство всё больше стало отгораживаться от граждан стратегией делегирования части своих функций коммерческому сектору (образование, связь, наука, здравоохранение, жилищная политика и т.п.). Вместе с тем, в условиях кризиса рабочего движения постгосударство стало намеренно укреплять механизм надзора и контроля за политическим процессом. Об этом, к примеру, пишет итальянский политолог Д. Дзоло [22, с. 33–47], усматривающий дополнительную причину такого явления в усложнившемся коммуникационном поле общества. Часть исследователей довольно оптимистично настроена в вопросе эволюции современного института государства, считая, что возможен переход к электронной демократии [103]. Между тем, здесь важны более осторожные и взвешенные оценки, ведь масштабного характера данный демократический транзит пока ещё не приобрёл. Постгосударство скрывается за политическими сетями, но пока не стремится к качественному эволюционному скачку демократии, предпочитая ограничиваться типично утилитарными задачами и сервисными технологиями электронного правительства.

Второй проблемой, с которой сталкиваются политологи при изучении модуса постдемократии, является *эрозия привычных идеологических моделей*. Идеология уже не развивается в прежнем формате – изменилась палитра экономических отношений, а на политическую арену стараются выйти представители новых социальных групп. Можно взять Россию, США, страны Европейского Союза – везде, несмотря на политико-культурную специфику и уровень социально-экономического развития, мы найдём весьма схожие тренды, когда среди населения стремительно падает узнаваемость традиционных идеологических конструктов. Эрозия прежней идеологии отчётливо видна на примере сближения различных партийных программ, появления идеологического синкретизма. Погоня за предпочтениями целевых аудиторий заставляет политиков практиковать вовсе не целостную идеологическую композицию, кардинально отличающуюся от современных же альтернатив, а, наоборот, умело сочетать самые разные политические идеи и предложения.

С эрозией идеологий тесно связан *третий тренд – маркетизация политического универсума и партий*. Данный тренд отличается активным заимствованием нынешними политиками типично рыночных технологий работы с населением. Наблюдаемая примитивизация партийных программ и агитационно-пропагандистского искусства преследует всё ту же цель – охватить всё большее количество граждан и не упустить целевые аудитории. Программы разных партий часто перекликаются между собой, становятся более невыразительными и аморфными. Сами же партии трансформируются в так называемые электоральные машины, теряющие программно-

идеологическую конкретику, заказывающие соответствующие маркетинговые исследования и не собирающиеся выполнять свои популистские предвыборные обещания, переходя к тесному сотрудничеству с элитами. Фактически постпартия приобретает черты фирмы, функционеры которой видят в партийной программе товар, в избирателях – покупателей, а в самой политике – рынок. Имидж же политиков становится капиталом, который нужно приобрести, сохранить и выгодно инвестировать. И это непосредственная угроза для понятной нам демократии. Проникновение в политический праксис элементов шоу-бизнеса и персонализации политики создаёт дополнительный спрос на всевозможных политтехнологов и политических менеджеров, поэтому сохраняется рынок политико-консультационных фирм [74; 75].

Четвёртый тренд угадывается в примитивизации политического дискурса, о чём ещё предупреждал Ги Дебор, описывая наступление «общества спектакля», которое становится своеобразным alter ego демократического дискурса, закрепляя в политическом сознании псевдоблага [21, с. 29–55]. Также этому явлению вторит кризис политической аналитики, её вульгаризация более простыми публиками журналистов. Политическая аналитика растворяется в океане эмоциональных и ангажированных зарисовок различных публицистов и блоггеров.

Пятой чертой постдемократии можно назвать распространение политических технологий сетевого характера на фоне бурного развития интернет-коммуникаций. Бум социальных сетей Интернета создаёт новые площадки для политического дискурса граждан. Отсюда для элит актуальными становятся новые манипулятивные технологии управления массовым сознанием – уже в сетевом пространстве. Популяризация технологий Web 2.0 открывает новые возможности не только для демократизации, но и для изобретения новых изощрённых приёмов построения неоавторитарных режимов (как минимум в информационной плоскости) через разработку необходимых для властных элит сетевых алгоритмов [95].

Наконец, шестым трендом выступает ответная реакция граждан на появление постдемократии, постгосударства и постпартий – *зарождение альтернативных форм политического участия* (политических флэшмобов и других сетевых акций) [16]. Здесь сказывается недоверие населения к переродившимся политическим партиям и выхолащиванию традиционных форм политической активности. К сожалению, довольно часто сетевые технологии становятся не новой моделью политической активности, а механизмом чёрных манипуляций и экспериментальным полигоном для осуществления «цветных революций».

К чему приведёт постмодерн в политике, – покажет время. На данном

этапе пока ещё не накоплено достаточного массива эмпирических данных, чтобы делать серьезные и очевидные теоретические обобщения, исследователям до конца не ясно – что ждёт демократию в будущем – драматический крах или серьёзная эволюция. Так или иначе, анализ феномена постдемократии позволяет выявить отдельные её характерные черты и наметить для политологического сообщества новые горизонты исследовательского поиска.

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВО: ПОСТДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ТОТАЛИТАРИЗМ? (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Абрамов А.В.

кандидат политических наук,
главный редактор электронного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»

Московский государственный областной университет
(105005, г. Москва, ул. Радио, 10А)

Подводя общий итог нашего обмена мнениями о постчеловеке и постчеловечестве, можно констатировать, что дискуссия была плодотворной. При этом все выступавшие сошлись во мнении, что грядущее общество порождает целый ряд проблем, которые пока не имеют решения.

К числу таких проблем я бы добавил (и здесь хотел бы вступить в полемику с С.Н. Федорченко) проблему будущего политического режима. Полагаю, что речь следует вести не о некоей модификации демократии, а об ином политическом строе, о реальном тоталитаризме.

Нам уже приходилось высказываться на тему тоталитаризма как политического режима в СССР и нацистской Германии [1]. Не повторяя здесь своей аргументации, замечу, что *тоталитаризм не мог быть установлен в этих странах, поскольку в первой половине XX в. отсутствовали технические возможности для контроля над каждой личностью.*

Теперь такая возможность появилась. Уже сегодня современное общество может устроить тотальную слежку за гражданами. Центры крупных городов напичканы камерами видеонаблюдения. Яркий пример Лондон, где по официальным данным установлено 4,2 миллиона камер. Внедряется система распознавания лиц. Официальное объяснение – необходимость предотвращения терактов и преступлений. На самом деле, как мы помним,

никакие видекамеры не помешали террористам почти прилюдно отрезать в юго-восточной части Лондона голову английскому солдату [39].

Если у Вас есть мобильный телефон – он шпионит за Вами и передаёт данные о Ваших контактах и местоположении. Ваши СМС не пропадают. Они хранятся в архивах. Финансы тоже под контролем. С внедрением электронной коммерции и оплаты по пластиковой карте все доходы и расходы также оказываются «под колпаком».

А впереди ещё чипование! Человек с внедрённым под кожу чипом – ещё не киборг (если использовать типологию постлюдей С.С. Хоружего), но первый шаг на пути к нему. Сначала чипы будут внедрять под кожу домашним животным (чтобы они не потерялись), затем – детям (чтобы родители всегда знали об их местоположении), а затем и взрослым. Чип заменит и паспорт, и банковскую карту, и ключи от дома и автомобиля***. Удобно, а заодно и можно концентрировать информацию о человеке.

Контроль над Вашими мыслями? Уже сейчас система отслеживает поисковые запросы в браузерах. Компьютерная программа читает письма, анализирует, что Вы ищете в Интернете и предлагает Вам товар или услугу. К слову сказать, и сами поисковые запросы бережно хранятся в памяти компьютера.

Ещё один источник контроля – социальные сети. Их создатели, умело эксплуатируя нарциссизм и тщеславие граждан, создали систему формирования людьми досье на самих себя: где они были, что делали. Кстати, при регистрации в соцсети задаются вопросы о политических взглядах. Собственно, зачем?

Возможности слежки ещё более усиливаются в связи с успехами нанотехнологий. По прогнозам, в течение ближайшего десятилетия на вооружение армии и спецслужб могут поступить микродроны (размером с комара), которые смогут передавать информацию (аудио и видео) об объекте слежки [57].

Вместе с внедрением т.н. «электронной демократии», когда гражданин сможет голосовать не выходя из дома, а данные о его голосовании можно будет проверить, государство получит полную информацию о том или ином человеке.

Вспомним, что когда-то казалось, что прослушивание миллионов человек – это невероятно, но Эдвард Сноуден доказал, что это не так [88].

Таким образом, ни о какой демократии говорить не приходится. Постчеловечество – это эпоха нового (на этот раз реального) тоталитаризма. Благодаря современным технологиям человеку всё-таки удалось убежать от свободы...

*** Впервые такой опыт проделал профессор кибернетики в Университете Рединга (Великобритания) Кевин Уорвик. В августе 1998 г. Уорвик вживил в свою нервную систему капсулу, содержащую микрочип. Капсула, выдающая 64-битный код на запрос системы, позволяла учёному из одной точки контролировать всю электронику у себя дома [65].

Контроль и информация даст государству массу возможностей по социальной инженерии и евгенике. Что, например, может помешать работе сервиса, который будет подбирать человеку супруга через социальные сети, на основе анкетных, результатов медицинских анализов и иной информации? Что будет мешать, анализируя данные «электронных дневников» школьника, определять его будущее место учёбы или работы? Что будет мешать предлагать пользователям соцсетей вступить в определённую партию, на основе анализа постов и комментариев пользователя? и т.п.

Так что «большой брат», о котором писали западные авторы, уже на подходе. И придёт он не с Востока, а с Запада. Правда, действовать он будет не грубо и прямолинейно, а с помощью «мягких» манипулятивных технологий. Благо на Западе (в первую очередь, США), за долгие годы бихевиоральной революции прошли апробирование разные методики воздействия на человека для достижения необходимого результата (реакции).

Итак, мир изменился, и эти изменения нам ещё предстоит всесторонне осмыслить...

Литература:

1. Абрамов А.В. Идеологическое оружие против Великой Победы // Великая Отечественная: закончилась ли битва? Научный семинар – круглый стол. Центр научной политической мысли и идеологии. М., 2015. С. 64–67.
2. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня. М.: ИОИ, 2013.
3. Алферов А.А. Идея общественного прогресса: содержание и становление [Электронный ресурс]. URL: <http://shpargalka.net.ua/4stati/alferov-a-a-ideja-obvestvenno-progre.html> (дата обращения: 31.01.2016).
4. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
5. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
6. Арндт Х. Ситуация человека // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 131–141.
7. Батин М., Турчин А., Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М., 2012.
8. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1996. Т. 4.
9. Безбородов В. Бесконтактные войны – революция в военном искусстве [Электронный ресурс] // Политическая Россия – Общественно-политический интернет журнал: [сайт]. [2014]. URL: <http://politrussia.com/vooruzhennye-sily/beskontaktnye-voyny-revoljutsiya-v-voennom-iskusstve-418/> (дата обращения: 14.02.2016)
10. Бекмамбетов Т. Пропагандирую российский образ жизни в Голливуде // Новая газета. 2016. 08 апреля.
11. Боевое снаряжение русских солдат в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. [Электронный ресурс] // Информационно-тематический портал История тыла Российской армии. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=2000> (дата обращения: 15.02.2016)

12. Боевые роботы [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 2010. 29 сентября. URL: <http://topwar.ru/1584-boevye-roboty.html> (дата обращения: 15.02.2016)
13. Болонкин А.А. Природная Цель Человечества – статья Богом. URL: <http://futurologija.ru/texts/prirodnaya-cel/> (дата обращения: 21.03.2016).
14. Болотов В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 4. Пг. 1918.
15. Введение. Основные идеи трансгуманизма. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/78/022/19122.php> (дата обращения: 30.05.2016).
16. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Флэшмоб как сетевая технология современного политического менеджмента (на примере России и США) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015. № 3. URL: <http://vestnik-mgu.ru/Articles/View/695> (дата обращения: 18.03.2016).
17. Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2015. 384 с.
18. Гребенщикова Е.Г. Homo biotechnology: прогностический вектор биоэтики // Биотехнология и общество: Сборник материалов форума «Биотехнология и общество», ассоциированное мероприятие II Международного конгресса «ЕвразияБио», 12 апреля 2010 г., Москва / под ред. Р.Г. Василовой, В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2010.
19. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
20. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве XI–XVI вв. М., 1988.
21. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. М.: Логос, 2000. 224 с.
22. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Издательский дом ВШЭ, 2010. 320 с.
23. Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1989.
24. Дугин А.Г. Постчеловек и постчеловечество // Проблема Постчеловека и Постчеловечества: материалы научного семинара. Вып. 4. М.: Научный эксперт, 2011. С. 4–18.
25. Жижек С. Хрупкий абсолюте, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Прагматика культуры, 2003.
26. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014.
27. Казаринов О.И. Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. М., 2005.
28. Как Россия будет использовать «мягкую силу» против ДАЕШ и «цветных революций». [Электронный ресурс] // Журналистская правда. 2016. 9 марта [сайт]. URL: <http://jrgazeta.ru/kak-rossiya-budet-ispolzovat-myagkuuyu-silu-protiv-daesh-i-tsvetnyih-revoljutsiy/> (дата обращения: 12.04.2016).
29. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Страх на войне: деструктивный фактор или психологический ресурс? // Российский психологический журнал. 2015. Т.12. № 1. С. 100–114.
30. Каргашев А.В. Вселенские соборы. Париж, 1963.
31. Кагасонов В.Н. Трансгуманизм: новая цивилизационная угроза челове-

ству [Электронный ресурс] URL: <http://www.odigitria.by/2014/10/23/transgumanizm-novaya-civilizacionnaya-ugroza-chelovechestvu/> (дата обращения: 20.03.2016).

32. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 860 с.

33. Клеман О. Истоки [Электронный ресурс]. URL: http://www.fapsyrou.ru/library/theology/Kleman/glava_v_447 (дата обращения: 01.04.2016).

34. Ковальчук М.В. «Некая элита пытается поработить планету и вывести новую „породу” людей». Выступление на заседании Совета Федерации 30 сентября 2015 г. (полный текст) [Электронный ресурс] // AfterShock. Информационный центр [сайт]. URL: <http://aftershock.news/?q=node%2F370841#.VsMK2HAUq4E> (дата обращения 24.02.2016).

35. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития [Электронный ресурс]. URL: <http://psihologia.biz/razvitiya-akmeologiya-psihologiya/teoriya-moralnogo-razvitiya-25010.html> (дата обращения: 18.03.2016).

36. Крауч К. Постдемократия. М.: Издательство Высшей Школы Экономики 2010. 192 с.

37. Кравельд М. ван. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2005. 344 с.

38. Криминализация информационного пространства и преступная деятельность экстремистских группировок в социальных сетях [Электронный ресурс] // Межрегиональное бюро судебных экспертиз им. Сикорского. 2016. URL: <http://www.expertsud.ru/> (дата обращения 12.04.2016)

39. Кровавая драма в Лондоне: террористы отрезали голову британскому солдату [Электронный ресурс]. URL: <http://9tv.co.il/news/2013/05/22/151250.html> (дата обращения: 22.04.2016).

40. Леви-Строс К. Путь масок. М., 2000.

41. Ле Гофф. Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

42. Лётчик для самолета 5-го поколения [Электронный ресурс] // Красная звезда [сайт]. URL: http://old.redstar.ru/2002/07/12_07/2_01.html (дата обращения: 24.02.2016)

43. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. М., 1985–1988.

44. Люди доживают на Земле свой последний век // Аргументы недели – online. 2016. 21 января. URL: <http://argumenti.ru/science/2016/01/431649> (дата обращения 21.02.2016).

45. Мальчикова Т. Эпидемия самоубийств [Электронный ресурс] // Сайт Гражданского комитета по правам человека. URL: <http://www.cchr.ru/news/429.htm> (дата обращения: 24.02.2016).

46. Мамедова Н.Д., Нуржанова А.Б., Табачкова О.А., Живайкина А.А. Постчеловек: иллюзия или реальность // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/postchelovek-illyuziya-ili-realnost> (дата обращения 09.02.2016)

47. Манойло А.В. «Убить котёнка», или как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / Nota bene. 2015. № 2. С. 104–107. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.2.15851

48. Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы её репрезентации в современной культуре: техно-прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия //

Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). Выпуск 18.

49. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. М.: Кучково поле, 2004

50. Милль Дж. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11, 12.

51. Миролыбов А. Проповеди св. Кирилла Александрийского. Киев, 1889.

52. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 656–657.

53. Названо время, за которое можно будет в будущем «напечатать» человека // Аргументы недели - online. 2016. 12 февраля. URL: <http://argumenti.ru/science/2016/02/434652> (дата обращения: 15.02.2016).

54. Новый экзоскелет HULC испытают в бою [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciencedebate2008.com/new-exoskeleton> (дата обращения: 28.02.2016)

55. Норвежский сержант [Электронный ресурс]. URL: <http://gearguide.ru/phpbb/viewtopic.php?f=36&t=1731> (дата обращения: 28.02.2016)

56. Поснов М. История христианской Церкви. Брюссель, 1964.

57. Роботы размером с комаров уничтожат конфиденциальность? // Интернет-журнал «iScience». URL: <http://iscience.ru/2015/01/23/roboty-razmerom-s-komarov-unichtozhat-konfidencialnost/> (дата обращения: 10.04.2016).

58. Розин В.М. Критика мифов технобиологического счастья // Биотехнология и общество: сборник материалов форума «Биотехнология и общество», ассоциированное мероприятие II Международного конгресса «ЕвразияБио», 12 апреля 2010 г., Москва / под ред. Р.Г. Василова, В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2010.

59. Российское трансгуманистическое общество (Официальный сайт). URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/> (дата обращения 15.02.2016).

60. Россия стала лидером в области боевых роботов [Электронный ресурс] // Русская сила. URL: <http://rusila.su/2014/07/26/rossiya-stala-liderom-v-oblasti-boevyih-robotov> (дата обращения: 24.02.2016).

61. Рутенбург В.И. Городская культура: Средневековье и начало нового времени. Л., 1986

62. Рыбаков О.Ю. Тихонова С.В. Проблема отчуждения в социальной философии раннего трансгуманизма // Вестник Саратовского Государственного социально-экономического университета. 2012. Выпуск № 5 (44).

63. Свидиненко Ю. Униформа «Нано» [Электронный ресурс] // Технологии. URL: http://www.polymer.ru/letter.php?cat_id=3&n_id=1277 (дата обращения: 25.02.2016)

64. Синявский В.К. Солдат XXI века: на пути создания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agat.by/pres/Soldat%20XXI%20veka%202013.pdf> (дата обращения: 25.02.2016)

65. Скоро каждого человека обяжут вживлять себе чип [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science.yoread.ru/news.php?readmore=1323> (дата обращения 15.05.2013)

66. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.

67. Соблазн // Ушаков Д.Н.. Большой толковый словарь современного русского языка (онлайн версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-70404.htm> (дата обращения 8.02.2016)

68. Стейнхофф Дж. Трансгуманизм и марксизм [Электронный ресурс]. URL: <http://spacemorgue.com/transhumanism-and-marxism> (дата обращения: 30.10.2015).

69. Сычев В. Доспехи XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://rusplt.ru/society/dospheh-xxi-veka-17284.html> (дата обращения: 28.02.2016)

70. Трансгуманизм и коммунизм [Электронный ресурс]. URL: <http://red-socket.ru/post/4566/transhumanism-and-communism> (дата обращения: 16.04.2016).

71. Тренировка пилотов на предельных нагрузках [Электронный ресурс] // Полигон. URL: <http://cassad.net/armiya-i-opk/23845-trenirovka-pilotov-na-predelnyh-nagruzkah-video.html> (дата обращения: 10.03.2016)

72. Тихон (Лященко Т.И.). Значение св. Кирилла Александрийского в истории христианского богословия. Киев, 1913.

73. Универсальный солдат 21 века [Электронный ресурс]. URL: http://www.liveinternet.ru/users/blog_soldier/post144660868 (дата обращения: 04.02.2015).

74. Федорченко Л.В. Теоретические аспекты исследования института политических консультантов // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 4. URL: <http://vestnik-mgu.ru/Articles/View/477> (дата обращения 04.04.2015).

75. Федорченко Л.В., Федорченко С.Н. Переориентация российского политического PR-менеджмента на бизнес-клиентов // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 2. № 4. С. 221–228.

76. Флоровский Г.В. Византийские отцы V—VIII вв. М, 1992. С. 43–73.

77. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: АСТ, 2008.

78. Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1999.

79. Хоружий С.С. Внеземные цивилизации и религиозное сознание: к постановке темы // Космический разум: проблемы и суждения. М.: Международный Центр Рерихов. 2008.

80. Хоружий С.С. Концепция Совершенного человека в перспективе исихастской антропологии // Совершенный Человек. Теология и философия образа / Ред. Ш.М. Шукуров. М.: Валент, 1997.

81. Хоружий С.С. О ценности личного общения в мире гуманитарной коммуникации // Культура и искусство. 2012. № 3. С.46–49.

82. Хоружий С.С. Человек и общество на пороге виртуализации // *Хоружий С.С. Социум и синергия: колонизация интерфейса*. Казань: Познание, 2016.

83. Хоружий С.С. Проблема Постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С.10–31

84. Хоффман Ф. Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал. Геополитика. [2013]. URL: <http://geopolitica.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna> (дата обращения: 04.02.2015).

85. Хьюз Д. Введение [Электронный ресурс]. URL: <http://competidor.livejournal.com/2223.html?thread=4015> (дата обращения: 26.01.2016)

86. Четверикова О. Диктатура просвещённых: о духовных корнях и целях трансгуманизма [Электронный ресурс]. URL: http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/diktatura_prosveschennyh_o_duhovnyh_

kornyah_i_celyah_transgumanizma__chast_4_12102013/ (дата обращения: 15.01.2016).

87. Шиловская Н.С. От общества гуманизма к обществу трансгуманизма? // *Философия и общество*. 2013. № 3 (71).

88. Эдвард Сноуден [Электронный ресурс] // Википедия (свободная энциклопедия). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуден,_Эдвард (дата обращения: 01.02.2016).

89. Экипировка советских военнослужащих на территории Афганистана [Электронный ресурс] // Информационно-тематический портал История тыла Российской армии. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=19311> (дата обращения: 27.02.2016)

90. Экипировка солдата: тяжелее или мобильнее? [Электронный ресурс] // РАРАН [сайт]. URL: http://www.guraran.ru/news/newsread/news_id-4602 (дата обращения: 03.02.2016)

91. Экзоскелеты: грань будущего уже в России [Электронный ресурс] // Технологии и разработки: [сайт]. URL: <http://politinform.su/tehnologii-i-razrabotki/23393-ekzoskeley-gran-budushego-uzhe-v-rossii.html> (дата обращения: 03.03.2016)

92. Юдин Б.Г. Сотворение Трансчеловека // *Вестник Российской академии наук*. 2007. Т. 77. № 6.

93. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакшин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества: монография. М.: Научный эксперт, 2009.

94. American Psychological Association To Classify Belief in God As a Mental Illness // *The NewsNerd* URL: <http://www.thenewsnerd.com/health/apa-to-classify-belief-in-god-as-a-mental-illness/> (дата обращения 17.02.2016)

95. Beer D. Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious // *New Media & Society*, 2009. Vol. 11. no. 6. pp. 985–1002.

96. Braspenning Th. Theorie sociale-constructiviste de l'enlissement des guerres hybrids [Electronic source]. URL: http://ecpr.eu/Filestore/Paper_Proposal/a4191549-4914-45t9-b258-12b621a82ef6.pdf (дата обращения: 03.05.2016)

97. FAQ по трансгуманизму // Российское трансгуманистическое движение (Официальный сайт). URL: <http://transhuman.ru/faq#transhuman> (дата обращения: 08.02.2016).

98. Hughes J. Citizen Cyborg. Why Democratic Societies Must Respond to the Re-designed Human of the Future. Westview Press 2004. P. 195–197.

99. Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence // *Global Era*. Cambridge: Polity, 2012.

100. Le Bras-Chopard Armelle. La guerre-Theories et ideologies. Paris: Montchretien, 1994.

101. Postrel V.I. The Future and Its Enemies: The Growing Conflict over Creativity, Enterprise and Progress. New York: Touchstone Books, 1999.

102. Shutz W.F. A Letter to the Editor-in-chief. *The National Interest*, № 63. (Spring 2001), P. 124–125.

103. Siau K., Long Y. Synthesizing e-government stage models – a meta-synthesis based on meta-ethnography approach // *Industrial Management + Data Systems*, 2005. Vol. 105. № 3/4. P. 442–456.

104. Szafranski R. Neocortical Warfare? The Acme of Skill // *Military Review*. 1994, November. P. 41–45.

References:

1. Abramov A.V. *Ideologicheskoe oruzhie protiv Velikoi Pobedy* [Ideological Weapon against the Great Victory] // *Velikaya Otechestvennaya: zakonchilas' li bitva? Nauchnyi seminar* [The Great Patriotic War: If the Battle is over? Scientific Seminar – Round Table. The Center of Scientific Political Thought and Ideology]. M., 2015, pp. 64–67
2. Alain de Benoit. *Karl Shmitt segodnya* [Carl Schmitt Today]. M., IOI, 2013.
3. Alferov A.A. *Ideya obshchestvennogo progressa: sodержanie i stanovlenie [Elektronnyi resurs]* [The Idea of Social Progress: the Content and Development [Electronic Source]]. URL: <http://shpargalka.net.ua/4stati/alferov-a-a-ideja-obwestvennogo-progre.html> (request date: 31.01.2016).
4. Anderson P. *Istoki postmoderna* [The Origins of Postmodernism]. M., The Territory of the Future, 2011. 208 p.
5. Arendt KH. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. M., 1996.
6. Arendt KH. *Situatsiya cheloveka* [The Situation of a Man] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1998, no. 11. pp. 131–141.
7. Batin M., Turchin A. *Futurologiya XXI vek: bessmertie ili global'naya katastrofa?* [Futurology. XXI Century: Immortality or Global Catastrophe?]. M., 2012.
8. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vol.]. T.4. M., 1996.
9. Bezborodov V. *Beskontaktnye voiny – revolyutsiya v voennom iskusstve [Elektronnyi resurs]* [Contactless War – Revolution in the Art of War [Electronic Source]] // *Politicheskaya Rossiya – Obshchestvenno-politicheskii internet zhurnal: [sait]. [2014]. [Political Russia – Socio-Political Internet Magazine: [site]. [2014].]. URL: <http://politrussia.com/vooruzhennye-sily/beskontaktnye-voyny-revolutsiya-v-voennom-iskusstve-418/> (request date 14.02.2016)*
10. Bekmambetov T. *Propagandiruyu rossiiskii obraz zhizni v Gollivude* [Advocating the Russian Way of Life in Hollywood] // *Novaya gazeta* [Novaya Gazeta]. 2016. 08 April.
11. *Boevoe snaryazhenie russkikh soldat v period Krymskoi (Vostochnoi) voiny 1853–1856 gg. [Elektronnyi resurs]* [Combat Gear of Russian Soldiers during the Crimean (Eastern) War of 1853–1856 [Electronic Source]] // *Informatsionno-tematicheskii portal Istoriya tyla Rossiiskoi armii.* [Information and Thematic Portal: History of the Rear of the Russian Army]. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=2000> (request date 15.02.2016)
12. *Boevye roboty [Elektronnyi resurs]* [Military Robots [Electronic Source]] // *Voennoe obozrenie. 2010. 29 sentyabrya* [Military Review. 2010. 29 September]. URL: <http://topwar.ru/1584-boevye-roboty.html> (request date 15.02.2016)
13. Bolonkin A.A. *Prirodnaya Tsel' Chelovechestva – stat' Bogom [Elektronnyi resurs]* [The Natural Purpose of Mankind is to Become a God [Electronic Source]]. URL: <http://futuologija.ru/texts/prirodnaya-cel/> (request date 21.03.2016).
14. Bolotov V. *Lektsii po istorii Drevnei TSerkvi. T. 4. Pg.* [Lectures on the History of the Ancient Church. Vol. 4. Pg.], 1918, pp. 136–148.

15. *Vvedenie. Osnovnye idei transgumanizma [Elektronnyi resurs]* [Introduction. The Basic Ideas of Transhumanism [Electronic Source]]. URL: <http://pandia.ru/text/78/022/19122.php> (request date 30.05.2016).

16. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. *Fleshmob kak setevaya tekhnologiya sovremennoogo politicheskogo menedzhmenta (na primere Rossii i SSHA)* [Flashmob as a Network Technology of the Modern Political Management (on the Example of Russia and USA)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University [electronic journal]], 2015, no. 3, URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/695> (request date 18.03.2016).

17. «*Gibridnye voiny*» v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka / pod red P.A. Tsygankova [“Hybrid War” in a More and More Chaotic World of the XXI Century / edited by P.A. Tsygankov]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. 384 p.

18. Grebenshchikova E.G. Homo biotechnology: *prognosticheskii vektor bioetiki* [Homo Biotechnology: a Predictive Vector of Bioethics] // *Biotekhnologiya i obshchestvo: Sbornik materialov foruma «Biotekhnologiya i obshchestvo», assotsirovannoe meropriyatie II Mezhdunarodnogo kongressa «EurasiaBio», 12 aprelya 2010 g., Moskva / pod red. R.G. Vasilova, V.E. Lep'skogo* [Biotechnology and Society: Proceedings of the Forum “Biotechnology and Society”, an Associated Event of the II International Congress “EurasiaBio”, April 12, 2010, Moscow / ed. by R.G. Vasilov, V.E. Lep'sky]. M., Kogito-T'Sentr, 2010.

19. Gurevich A.YA. *Srednevekovyi mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval World: Culture of Silent Majority]. M., 1990.

20. Darkevich V.P. *Narodnaya kul'tura srednekov'ya. Svetskaya prazdnichnaya zhizn' v iskusstve XI–XVI vv.* [The Folk Culture of the Middle Ages. Secular Holiday Life in the Art of XI–XVI Centuries]. M., 1988.

21. Debor G. *Obshchestvo spektaklya / per. s fr. S. Ofertas i M. Yakubovich* [The Society of a Spectacle. Transl. form Fr. C. Ofertas and M. Yakubovich]. M., Logos, 2000. 224 p.

22. Dzolo D. *Demokratiya i slozhnost': realistskii podkhod* [Democracy and Complexity: Realistic Approach]. M., 2010. 320 p.

23. Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. *Kul'tura zapadnoevropeiskogo srednekov'ya* [The Culture of the Medieval West]. M., 1989.

24. Dugin A.G. *Postchelovek i Postchlovechestvo* [The Post-Human and Post-Humanity] // *Problema postcheloveka i Postchlovechestva: materialy nauchnogo seminara* [A Posthuman and Posthumanity: Materials Science Seminar]. M.: Nauchnyi ekspert, 2011, no. 4, pp. 4–18.

25. Zhizhek S. *Khrupkii absolut, ili Pochemu stoit borot'sya za khristianskoe nasledie* [The Fragile Absolute, or Why Christian Heritage is Worth Fighting for]. M., Pragmatika kul'tury, 2003.

26. Zhizhek S. *Shchekotliviy sub'ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii* [The Ticklish Subject: the Absent Centre of Political Ontology]. M., Delo, 2014.

27. Kazarinov O.I. *Neizvestnye liki voiny. Mezhdzhu zhizn'yu i smert'yu* [Unknown Faces of War. Between Life and Death]. M., 2005.

28. *Kak Rossiya budet ispol'zovat' «myagkuyu silu» protiv DAESH i «tsvetnykh revolyutsii»* [Elektronnyi resurs] [How Russia will Use “Soft Power” against DAESH and the “Color Revolutions” [Electronic Source]] // *Zhurnalistskaya pravda. 2016, 9 marta*

[*sait*]. [Journalistic Truth. 2016, March 9 [website]]. URL: <http://jgazeta.ru/kak-rossiya-budet-ispolzovat-miyagkuyu-silu-protiv-daesh-i-tsvetnyih-revoljutsiy/> (request date 12.04.2016)

29. Karayani A.G., Karayani YU.M. *Strakh na voine: destruktivnyi faktor ili psikhologicheskii resurs?* [Fear at War: a Destructive Factor or a Psychological Resource?] // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. 2015, T.12, no. 1, pp. 100–114.

30. Kartashev A.V. *Vselenskie sobory* [Ecumenical Councils]. Paris, 1963.

31. Katasonov V.N. *Transgumanizm: novaya tsivilizatsionnaya ugroza chelovechestvu [Elektronnyi resurs]* [Transhumanism: the New Civilizational Threat to Humanity [Electronic Source]]. URL: <http://www.odigitria.by/2014/10/23/transgumanizm-novaya-civilizatsionnaya-ugroza-chelovechestvu/> (request date 20.03.2016)

32. Klauzevits K. *O voine / per. s nem.* [On the War / trans. from Ger.]. M.: Eksmo; SPb., Terra Fantastica, 2003. 860 p.

33. Kleman O. *Istoki [Elektronnyi resurs]* [Origins [Electronic Source]]. URL: http://www.fapsyrou.ru/library/theology/Kleman/glava_v_447 (request date 01.04.2016)

34. Koval'chuk M.V. «Nekaya elita pytaetsya porabotit' planetu i vyvesti novuyu „porodu” lyudei». *Vystuplenie na zasedanii Soveta Federatsii 30 sentyabrya 2015 g. (polnyi tekst) [Elektronnyi resurs]* [«Some Elite is Trying to Enslave the Planet and Introduce a New “Breed” of People». Speech at the Federation Council Meeting, September 30, 2015 (full text) [Electronic Source]] // AfterShock. URL: <http://aftershock.news/?q=node%2F370841#.VsMK2HAUq4E> (request date 24.02.2016)

35. Kraig G., Bokum D. *Psikhologiya razvitiya [Elektronnyi resurs]* [Developmental and Educational Psychology [Electronic Source]]. URL: <http://psihologia.biz/razvitiya-akmeologiya-psihologiya/teoriya-moralnogo-razvitiya-25010.html> (request date 18.03.2016)

36. Krauch K. *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. M., Izdatel'stvo Vysshei Shkoly Ekonomiki, 2010. 192 p.

37. Kreveld M. van. *Transformatsiya voiny* [The Transformation of War]. M., IRIS-EN, 2005. 344 p.

38. *Kriminalizatsiya informatsionnogo prostranstva i prestupnaya deyatel'nost' ekstremistskikh gruppirovok v sotsial'nykh setyakh [Elektronnyi resurs]* [Criminalization in the Media and Criminal Activities of Extremist Groups in Social Networks [Electronic Source]] // *Mezhregional'noe byuro sudebnykh ekspertiz im. Sikorskogo. 2016.* [The Inter-Regional Bureau of Forensic Expertise named after Sikorsky. 2016.]. URL: <http://www.expertsud.ru/> (request date 12.04.2016)

39. *Krovavaya drama v Londone: terroristy otrezali golovu britanskomu soldatu [Elektronnyi resurs]* [The Bloody Drama in London: Terrorists Beheaded a British Soldier [Electronic Source]]. URL: <http://9tv.co.il/news/2013/05/22/151250.html> (request date 22.04.2016)

40. Levi-Stros K. *Put' masok* [The Way of the Masks]. M., 2000.

41. Le Goff. J. *Tsvivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. M., 1992.

42. *Letchik dlya samoleta 5-go pokoleniya [Elektronnyi resurs]* [A Pilot for the Aircraft of the 5th Generation [Electronic Source]] // *Krasnaya zvezda [sait]* [Red Star [website]]. URL: http://old.redstar.ru/2002/07/12_07/2_01.html (request date 24.02.2016)

43. Locke John *Sochineniya: v 3 t.* [Writings in Three Volumes]. M., 1985–1988.
44. *Lyudi dozhivayut na Zemle svoi poslednii vek* [Elektronnyi resurs] [People Live out their Last Century on Earth [Electronic Source]] // «Argumenty nedeli» – online, 2016. 21 yanvarya [Arguments of the Week – online, 2016, January 21]. URL: <http://argumenti.ru/science/2016/01/431649> (request date 21.02.2016)
45. Mal'chikova T. *Epidemiya samoubiistv* [Elektronnyi resurs] [An Epidemic of Suicides [Electronic Source]] // *Sait Grazhdanskogo komiteta po pravam cheloveka* [The website of the Civic Committee for human rights]. URL: <http://www.cchr.ru/news/429.htm> (request date 24.02.2016).
46. *Postchelovek: illyuziya ili real'nost'* [Posthuman: an illusion or reality] // *Byul-leten' meditsinskikh Internet-konferentsii*. 2013. T. 3. № 2 [Bulletin of Medical Internet Conferences. 2013, vol. 3, no. 2.] / Mamedova N.D., Nurzhanova A.B., Tabachkova O.A., Zhivaikina A.A. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/postchelovek-illyuziya-ili-realnost> (request date 09.02.2016)
47. Manoilo A.V. «Ubit' kotenka», ili kak deistvuyut tekhnologii konfliktnoi mobilizatsii v sotsial'nykh setyakh [“Kill the Kitty”, or How to Operate the Technology of Conflict Mobilization in Social Networks] // *Konfliktologiya / Nota bene* [Conflict / Nota Bene], 2015, no. 2, pp. 104–107. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.2.15851.
48. Medvedeva T.B. *Tekhnologicheskaya utopiya i formy ee reprezentatsii v sovremennoi kul'ture: tekhnoprogressivizm, transgumanizm i tsifrovaya utopiya* [Technological Utopia and the Forms of its Representation in Modern Culture: Techno-Progressivism, Transhumanism, and the Digital Utopia] // *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Statements. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2011, no. 20 (115), v. 18.
49. Messner E.E. *Vsemirnaya myatezhevoina* [World-Wide Revolt-War]. M., Kuchkovo pole, 2004.
50. Mill John. *O svobode* [On Freedom] // *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 1993, no. 11, 12.
51. Miroyubov A. *Propovedi sv. Kirilla Aleksandriiskogo* [The Preaching of St. Cyril of Alexandria]. Kiev, 1889.
52. *Mifologicheskii slovar' / gl. red. E.M. Meletinskii* [Mythological Dictionary / ed. by E.M. Meletinsky] M., 1991, pp. 656–657.
53. *Nazvano vremya, za kotoroe mozno budet v budushchem «napechatat» cheloveka* [The Time needed for “Printing” a Human Being is Named] // *Argumenty nedeli-online*. 2016. 12 fevralya [Arguments of the Week – online. 2016. 12 Feb.]. URL: <http://argumenti.ru/science/2016/02/434652> (request date 15.02.2016)
54. *Novyi ekzoskelet HULC ispytayut v boyu* [Elektronnyi resurs] [The New HULC Exoskeleton will be Tested in a Combat [Electronic Source]]. URL: <http://www.sciencedebate2008.com/new-exoskeleton> (request date 28.02.2016)
55. *Norvezhskii serzhant* [Elektronnyi resurs] [Norwegian Sergeant [Electronic Source]]. URL: <http://garguide.ru/phpbb/viewtopic.php?f=36&t=173> (request date 28.02.2016)
56. Posnov M. *Istoriya khristianskoi Tserkvi* [History of the Christian Church]. Brussels, 1964.

57. *Roboty razmerom s komarov unichtozhat konfidentsial'nost'?* [Elektronnyi resurs] [Robots the Size of Mosquitoes will Destroy Privacy?] // *Internet-zhurnal «iScience»* [The Internet-the Magazine «iScience» [Electronic Source]]. URL: <http://iscience.ru/2015/01/23/roboty-razmerom-s-komarov-unichtozhat-konfidentsialnost/> (request date 10.04.2016)

58. Rozin V.M. *Kritika mifov tekhnobiologicheskogo schast'ya* [Criticism of the Myths of Techno-biological Happiness] // *Biotehnologiya i obshchestvo: sbornik materialov foruma «Biotehnologiya i obshchestvo», assotsirovannoe meropriyatie II Mezhduнародного kongressa «EvraziyaBio», 12 aprelya 2010 g., Moskva / pod red. R.G. Vasilova, V.E. Lepskogo* [Biotechnology and Society: Proceedings of the forum “Biotechnology and Society”, an Associated Event of the II International Congress, Russia, April 12, 2010, Moscow / ed. by R.G. Vasilov, V.E. Lepsky]. M., «Kogito-TSentr», 2010.

59. *Rossiiskoe transgumanisticheskoe obshchestvo (Ofitsial'nyi sait)* [Elektronnyi resurs] [Russian Transhumanist Society (Official Website) [Electronic Source]]. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/> (request date 15.02.2016).

60. *Rossiya stala liderom v oblasti boevykh robotov* [Elektronnyi resurs] [Russia has become a Leader in the Field of Military Robots [Electronic Source]] // *Russkaya sila* [Russian Force]. URL: <http://rusila.ru/2014/07/26/rossiya-stala-liderom-v-oblasti-boevyh-robotov> (request date 24.02.2016)

61. Rutenburg V.I. *Gorodskaya kul'tura: Srednevekov'e i nachalo novogo vremeni* [Urban Culture: Middle Ages and the Beginning of a New Time]. L., 1986.

62. Rybakov O.YU., Tikhonova S.V. *Problema otchuzhdeniya v sotsial'noi filosofii rannego transgumanizma* [The Problem of Alienation in Social Philosophy of Early Transhumanism] // *Vestnik Saratovskogo Gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov Socio-Economic Institute], 2012, no. 5 (44).

63. Svidinenko YU. *Uniforma «Nano»* [Elektronnyi resurs] [“Nano” Uniform [Electronic Source]] // *Tekhnologii* [Technology]. URL: http://www.polymer.ru/letter.php?cat_id=3&n_id=1277 (request date 25.02.2016)

64. Sinyavskii V.K. *Soldat XXI veka: na puti sozdaniya* [Elektronnyi resurs] [Soldiers of the XXI Century: Ways of Creating [Electronic Source]]. URL: <http://www.agat.by/pres/Soldat%20XXI%20veka%202013.pdf> (request date 25.02.2016).

65. *Skoro kazhdogo cheloveka obyazhut vzhivlyat' sebe chip* [Elektronnyi resurs] [Every Person will Soon be Obligated to Implant him a Chip [Electronic Source]]. URL: <http://www.science.yoread.ru/news.php?readmore=1323> (request date 15.05.2013).

66. Slipchenko V.I. *Voiny shestogo pokoleniya. Oruzhie i voennoe iskusstvo budushchego* [The War of the Sixth Generation. Weapons and Military Art of the Future]. M., Veche, 2002. 384 p.

67. *Soblazn* [Elektronnyi resurs] [The Temptation [Electronic Source]] // Ushakov D.N. *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (onlain versiya)* [Ushakov D.N. Big Explanatory Dictionary of Modern Russian (online version)]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-70404.htm> (request date 08.02.2016).

68. Steinkhoff Dzh. *Transgumanizm i marksizm* [Elektronnyi resurs]. [Steinhoff, John. Transhumanism and Marxism [Electronic Source]]. URL: <http://spacemorgue.com/transhumanism-and-marxism> (request date 30.10.2015).

69. Sychev V. *Dospekhi XXI veka [Elektronnyi resurs]* [Armor of the XXI Century [Electronic Source]]. URL: <http://rusplt.ru/society/dospehi-xxi-veka-17284.html> (request date 28.02.2016).

70. *Transgumanizm i kommunizm [Elektronnyi resurs]* [Transhumanism and Communism [Electronic Source]]. URL: <http://red-sovet.su/post/4566/transhumanism-and-communism> (request date 16.04.2016).

71. *Trenirovka pilotov na predel'nykh nagruzkakh [Elektronnyi resurs]* [Training Pilots at Extreme Loads [Electronic Source]] // *Poligon [Polygon]*. URL: <http://cassad.net/armiya-i-opk/23845-trenirovka-pilotov-na-predelnyh-nagruzkah-video.html> (request date 10.03.2016).

72. Tikhon (Lyashchenko T.I.). *Znachenie sv. Kirilla Aleksandriiskogo v istorii khristianskogo bogosloviya* [The Importance of St. Cyril of Alexandria in the History of Christian Theology]. Kiev, 1913.

73. *Universal'nyi soldat 21 veka [Elektronnyi resurs]* [Universal Soldier of the 21st Century [Electronic Source]]. URL: http://www.liveinternet.ru/users/blog_soldier/post144660868 (request date 04.02.2015)

74. Fedorchenko L.V. *Teoreticheskie aspekty issledovaniya instituta politicheskikh konsultantov* [Theoretical Aspects of Research of the Institute of Political Consultants] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University [electronic journal]], 2013, no. 4, URL: <http://vestnik-mgu.ru/Articles/View/477> (request date 04.04.2015).

75. Fedorchenko L.V., Fedorchenko S.N. *Pereorientatsiya rossiiskogo politicheskogo PR-menedzhmenta na biznes-klientov* [The Reorientation of Russian Political PR Management for Business Customers] // *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI* [Bulletin of Moscow State Mechanical Engineering University MAMI], 2013, T. 2, no. 4, pp. 221–228.

76. Florovskii G.V. *Vizantiiskie ottsy V–VIII vv.* [The Byzantine Fathers of the V–VIII Centuries] M., 1992. pp. 43–73.

77. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee* [Our Posthuman Future]. M., AST, 2008.

78. Khaiek F. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. M., 1999.

79. Khoruzhii S.S. *Vnezemnye tsivilizatsii i religioznoe soznanie: k postanovke temy [Extraterrestrials and Religious Consciousness: Statement of the Topic]* // *Kosmicheskii razum: problemy i suzheniya* [The Cosmic Mind: Problems and Judgments]. M., Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2008.

80. Khoruzhii S.S. *Kontseptsiya Sovershennogo cheloveka v perspektive isikhastской antropologii* [The Concept of a Perfect Man in the Future Hesychast Anthropology] // *Sovershennyyi Chelovek. Teologiya i filosofiya obraza / red. S.H.M. Shukurov* [A Perfect Man. Theology and Philosophy of the Image / ed. S.M. Shukurov]. M., Valent, 1997.

81. Khoruzhii S.S. *O tsennosti lichnogo obshcheniya v mire gumanitarnoi kommunikatsii* [On the Value of Personal Contact in the World of Humanitarian Communication] // *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2012, no. 3, pp. 46–49.

82. Khoruzhii S.S. *Chelovek i obshchestvo na poroge virtualizatsii* [Man and Society on the Threshold of Virtualization] // *Khoruzhii S.S. Sotsium i sinerhiya: kolonizatsiya*

interfeisa [Horuzhiy S. S. Society and Synergy: the Colonization of the Interface]. Kazan, Poznanie, 2016.

83. Khoruzhii S.S. *Problema Postcheloveka, ili transformativnaya antropologiya glazami sinerghiinoi antropologii* [The Problem of the Posthuman, or Transformative Anthropology through Synergetic Anthropology] // *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2008, no. 2, pp. 10–31.

84. Khoffman F. G. *Gibridnye ugrozy: pereosmyslenie izmenyayushchegosya kharaktera sovremennykh konfliktov* [Elektronnyi resurs] [Hybrid Threats: Rethinking the Changing Nature of Contemporary Conflicts [Electronic Source]] // *Informatsionno-analiticheskii portal Geopolitika* [Information-Analytical Portal. Geopolitics]. URL: <http://geopolitika.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna> (request date 04.02.2015).

85. KH'yuz D. *Vvedenie* [Elektronnyi resurs] [Introduction [Electronic Source]]. URL: <http://competidor.livejournal.com/2223.html?thread=4015> (request date 26.01.2016)

86. Chetverikova O. *Diktatura prosveshchennykh: o dukhovnykh kornyakh i tselyakh transgumanizma* [Elektronnyi resurs] [The Dictatorship of the Enlightened: the Spiritual Roots and Goals of Transhumanism [Electronic Source]]. URL: http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/diktatura_prosveshchennyh_o_duhovnykh_kornyah_i_celyah_transgumanizma_chast_4_12102013/ (request date 15.01.2016)

87. Shilovskaya N.S. *Ot obshchestva gumanizma k obshchestvu transgumanizma?* [From the Society of Humanity to the Society of Transhumanism?] // *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2013, no. 3 (71).

88. *Edvard Snouden* [Elektronnyi resurs] [Edward Snowden [Electronic Source]] // *Vikipediya (svobodnaya entsiklopediya)* [Wikipedia (The Free Encyclopedia)]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (request date 01.02.2016)

89. *Ekipirovka sovetskikh voennosluzhashchikh na territorii Afganistana* [Elektronnyi resurs] [Equipment of the Soviet Troops in Afghanistan [Electronic Source]] // *Informatsionno-tematicheskii portal Istoriya tyla Rossiiskoi armii* [Information and Thematic Portal: History of the Rear of the Russian Army]. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=1931> (request date 27.02.2016)

90. *Ekipirovka soldata: tyazhelee ili mobil'nee?* [Elektronnyi resurs] [Soldiers' Arming: Heavier or More Mobile? [Electronic Source]] // *RARAN [sait]* [Raran [website]]. URL: http://www.guraran.ru/news/newsread/news_id-4602 (request date 03.02.2016)

91. *Ekzoskelety: gran' budushchego uzhe v Rossii* [Elektronnyi resurs] [Exoskeletons: Edge of Tomorrow is Already in Russia [Electronic Source]] // *Tekhnologii i razrabotki: [sait]* [Technology and Development: [website]]. URL: <http://politinform.su/tehnologii-i-razrabotki/23393-ekzoskelety-gran-buduschego-uzhe-v-rossii.html> (request date 03.03.2016)

92. Yudin B.G. *Sotvorenie Transcheloveka* [The Creation of a Trans-human] // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2007, T. 77, no. 6.

93. *Variativnost' i tsiklichnost' global'nogo sotsial'nogo razvitiya chelovechestva: monografiya* [Variability and Cyclicity of Global Social Development of Humanity: the Monograph] / Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Kulikov V.I., Sulakshin S.S. M., 2009.

94. American Psychological Association to Classify Belief in God as a Mental Illness // *The NewsNerd*. URL: <http://www.thenewsnerd.com/health/apa-to-classify-belief-in-god-as-a-mental-illness/> (request date 17.02.2016)

95. Beer D. Power through the Algorithm? Participatory Web Cultures and the Technological Unconscious // *New Media & Society*, 2009, vol. 11, no. 6, pp. 985–1002.

96. Braspenning Th. Theorie sociale-constructiviste de l' enlissement des guerres hybrids [Electronic Source]. URL: http://ecpr.eu/Filestore/Paper_Proposal/a4191549-4914-45t9-b258-12b621a82ef6.pdf (request date 03.05.2016)

97. *FAQ po transgumanizmu* [FAQ on Transhumanism] // *Rossiiskoe transgumanisticheskoe dvizhenie (Ofitsial'nyi sait)* [Russian Transhumanist Movement (Official site)]. URL: <http://transhuman.ru/faq#transhuman> (request date 08.02.2016)

98. Hughes J. Citizen Cyborg. Why Democratic Societies Must Respond to the Re-designed Human of the Future. Westview Press 2004, pp. 195–197.

99. Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence // *Global Era*. Cambridge: Polity, 2012.

100. Le Bras-Chopard Armelle. La guerre-Theories et ideologies. Paris: Montchrestien, 1994.

101. Postrel V.I. The Future and its Enemies: The Growing Conflict over Creativity, Enterprise and Progress. New York: Touchstone Books, 1999.

102. Shutz W.F. A Letter to the Editor-in-Chief. *The National Interest*, № 63 (Spring 2001), pp. 124–125.+

103. Siau K., Long Y. Synthesizing e-government stage models – a meta-synthesis based on meta-ethnography approach // *Industrial Management + Data Systems*, 2005, vol. 105, № 3/4, pp. 442–456.

104. Szafranski R. Neocortical Warfare? The Acme of Skill // *Military Review*, 1994, November, pp. 41–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хоружий Сергей Сергеевич – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук; e-mail: horuzhy@orc.ru

Фишман Леонид Гершевич – доктор политических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН; e-mail: lfishman@yandex.ru

Комлева Наталья Александровна – доктор политических наук, профессор, профессор Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, e-mail: komleva1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Horuzhy Serguey – Doctor of Physicomathematical Sciences, Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy; e-mail: horuzhy@orc.ru

Fishman Leonid – Doctor of Political Sciences, professor of RAS, Leading Researcher, RAS Ural Branch Institute of Philosophy and Law; e-mail: lfishman@yandex.ru

Komleva Natal'ya – Doctor of Political Sciences, Professor, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, e-mail: komleva1@yandex.ru

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного областного университета; e-mail: vardanb@mail.ru

Радиков Иван Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ivirrad@gmail.com

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент Московского государственного областного университета; e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент Московского государственного областного университета; e-mail: abram-off@mail.ru

Manoilo Andrei – Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Bagdasaryan Vardan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow State Regional University; e-mail: vardanb@mail.ru

Radikov Ivan – Doctor of Political Sciences, Professor, St. Petersburg State University; e-mail: ivirrad@gmail.com

Fedorchenko Sergey – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Moscow State Regional University; e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Abramov Andrei – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Moscow State Regional University; e-mail: abram-off@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Постчеловек и Постчеловечество: Будущее цивилизации или её конец? (Круглый стол) / Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А., Манойло А.В., Багдасарян В.Э., Радиков И.В., Федорченко С.Н., Абрамов А.В. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. URL: www.vestnik-mgou.ru

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A Posthuman and Posthumanity: ь Future of Civilization or its End? (Round Table) / S. Horuzhy, L. Fishman, N. Komleva, A. Manoilo, V. Bagdasaryan, I. Radikov, S. Fedorchenko, A. Abramov // Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal), 2016, no. 3. URL: www.vestnik-mgou.ru